

Джоанна
ЛИНДСЕЙ

РАБ
МОИХ ЖЕЛАНИЙ

Лучший любовный роман

Джоанна Линдсей

Раб моих желаний

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Линдсей Д.

Раб моих желаний / Д. Линдсей — «Издательство АСТ»,
1991 — (Лучший любовный роман)

ISBN 978-5-17-149361-5

Лорд Уоррик де Шевиль не привык сносить унижения от женщины. Тем более не намерен он прощать оскорбление, которое, пусть не по своей воле, нанесла ему прекрасная леди Ровена Беллем, использовавшая связанного, беспомощного Уоррика как племенного жеребца – для продолжения рода. Лорд де Шевиль клянется безжалостно отомстить Ровене. И наконец она – в его власти. Но страсть, бешеная, испепеляющая, всепоглощающая, сильнее жажды отмщения, а любовь – превыше ненависти и вражды...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-149361-5

© Линдсей Д., 1991
© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джоанна Линдсей

Раб моих желаний

Глава 1

Англия, 1152 год

Женщина была невероятно маленькой, изящной и хрупкой, что особенно бросалось в глаза, когда она стояла перед высоким рыцарем, который по праву мог считаться настоящим великаном. Светлая головка едва достигала его плеча, и как только широкая ладонь с силой опустилась на ее щеку, худенькое тельце беспомощно дернулось. Она непременно рухнула бы на пол, не держи ее два дюжих оруженосца. Они бесцеремонно заломили ей руки, а сами предусмотрительно стояли немного позади, чтобы не принимать на себя тумачи, предназначенные даме.

Ноги несчастной подкосились, но мужчины грубо дернули ее вверх, не давая ни упасть, ни отстраниться. За первой пощечиной последовала вторая, потом третья.

Сжавшись в углу маленькой комнаты, Ровена Беллем молча наблюдала за избиением. Девушку тоже охраняли двое наемников, те самые, что притащили ее сюда. По-видимому, сводный брат наконец решил исполнить свою угрозу и преподать ей наглядный урок жестокости и насилия. Она всеми силами старалась удержаться от криков, так что кровь из прокушенной губы тонкой струйкой сочилась по подбородку. По пепельно-серым щекам струились слезы, хотя до нее брат и пальцем не дотронулся. Увиденное должно было убедить Ровену в серьезности его намерений. Правда, девушка была в относительной безопасности, пока он не окончательно потерял терпение и старался не уродовать ее красоту синяками, которые к тому же могли послужить причиной сплетен и перешептываний среди гостей, собравшихся на свадебный пир.

Но по отношению к мачехе Жильбер д'Амбре не был так осторожен. И угрызения совести ни в малейшей степени его не терзали. Леди Энн Беллем... то есть Энн д'Амбре, вдова его отца, была для Жильбера ненужным бременем и могла послужить лишь залогом послушания Ровены. Тут он был прав: Ровена на все пошла бы ради матери. И девушка покорялась. До этого момента. На сей раз Жильбер зашел слишком далеко и требовал от нее поистине немислимого!

Энн скосила глаза в сторону дочери. Щеки женщины побагровели и распухли от жестоких ударов Жильбера, но она не издала ни единого звука, не пролила ни единой слезы. Однако выражение ее некогда прекрасного лица было столь красноречиво, что Ровена зарыдала еще горше. Девушка и без слов понимала, что хотела сказать матушка:

«Надо мной так часто издевались, девочка, что я уже успела свыкнуться. Не обращай внимания, родная. И не соглашайся на требования этого негодяя. Не поддавайся жалости».

Ровена намеревалась держаться до конца. Лорд Годвин Лайонз, человек, которого выбрал ей в мужа Жильбер, был настолько стар, что годился ей не только в деды, но даже в прадеды. А мать лишь подтвердила слухи, ходившие о старом лорде, едва Жильбер потребовал, чтобы она убедила Ровену подчиниться его воле.

– Я знаю Лайонза, – смело заявила Энн, – и он неровня такой богатой и знатной наследнице, как Ровена. И дело даже не в возрасте, а в скандальной репутации этого человека, известного всей Англии своей извращенной и гнусной натурой. Я никогда не соглашусь на этот брак!

– Но он единственный, кто готов бороться за возвращение ее владений, – заметил Жильбер.

– Владений, которых твой отец лишился из-за своей алчности.

– Вздор! Право каждого мужчины...

– Покушаться на собственность соседа? – пренебрежительно бросила Энн, впервые за все время давая волю презрению, которое испытывала к пасынку. Правда, это чувство не шло ни в какое сравнение с теми, которые она питала к его отцу. – Нападать исподтишка и безжалостно грабить? Разорять и жечь, насиловать и принуждать женщин к браку, когда тела их мужей еще и остыть не успели? Подобные мерзости вошли в обычай лишь с той поры, как это ничтожество Стефана¹ избрали королем!

Жильбер залился краской, но, вероятнее всего, не столько от стыда за все, что причинил Энн отец, сколько от гнева. Признаться, он был типичным порождением своего времени. Жильберу исполнилось всего восемь лет, когда Стефан украл корону у Матильды после смерти старого короля Генриха. Тогда страна раскололась надвое. Половина баронов отказывалась признать своей правительницей женщину, другая – оставалась верной присяге, принесенной Матильде, а теперь и ее сыну, Генриху Аквитанскому. Хьюго д'Амбре встал на сторону Стефана и потому без зазрения совести убил отца Ровены, вассала Генриха. Совершив свое черное деяние, он силой заставил вдову Уолтера Беллема выйти за него замуж и тем самым в одночасье стал владельцем его богатых поместий, часть из которых должна была отойти единственной наследнице, Ровене, а остальные были вдовой частью леди Энн. Беспомощные одинокие женщины считались законной добычей и, уж конечно, не могли найти ни защиты, ни справедливости, особенно у короля, свергнувшего страну в хаос.

В отличие от отца, грубой бесчеловечной скотины, Жильбер не был по природе жесток и, как все высокородные рыцари того времени, мог похвастаться изысканными манерами, когда к тому вынуждали обстоятельства, и не церемонился с простолюдинами. Главной его целью было набить сундуки награбленным золотом и жить в довольстве и богатстве. Но поскольку Жильбер семнадцать лет прожил в раздираемой распрями стране, то и поведение его мало чем отличалось от образа жизни знатных людей. Все они ныли и жаловались на слабого никчемного короля, правление которого отличалось беззаконием и анархией, но при этом не гнушались половить рыбку в мутной водиче.

По чести говоря, за все три года, прожитые Энн в браке с Хьюго, Жильбер не сказал ей и сводной сестре грубого слова и, уж конечно, пальцем их не тронул. Его считали храбрым и благородным рыцарем, а дамы так и млели при виде темноволосого красавца с темно-кариыми глазами, под слишком пристальным взглядом которых многие невольно поеживались. До сегодняшнего дня он не давал Ровене повода для презрения. Однако девушка ненавидела Жильбера только за то, что он имел несчастье быть сыном Хьюго. Оба постоянно вступали в междуусобицы и мелочные свары с соседями, старались извлечь как можно больше выгоды из ее земель и имений, вывезли из замков, когда-то принадлежавших Уолтеру, все сколько-нибудь ценное, отобрали даже украшения у матери и Ровены. Кроме того, семейка д'Амбре разорвала брачный контракт, заключенный еще отцом Ровены, – ведь в приданое пришлось бы отдать наследство, а так можно было беспрепятственно обогащаться, пользоваться трудом ее крепостных и каждый год требовать от вассалов семьи Беллем военной помощи.

Но в прошлом году Хьюго совершил непростительную ошибку, решив захватить замок Дервуд, находившийся как раз между владениями Ровены и д'Амбре. Уж лучше бы он осмелился разворошить осиное гнездо: Дервуд принадлежал лорду Фокхерсту, одному из самых могущественных вельмож и храбрейшему воину во всех северных графствах. Тот не только разогнал осаждавших, но не поленился преследовать их до самой границы, а уж потом, исполненный жажды мести, принялся упорно разорять негодяев, посмеявшихся покунуться на его собственность.

К сожалению, при этом пострадали земли не только Хьюго, но и Ровены. Одно за другим имения переходили в руки Фокхерста. Теперь Хьюго понял, как дорого обходятся ему жад-

¹ Стефан Блуаский (ок.1107–1154), король Англии. – Здесь и далее примеч. пер.

ность и слабость короля. Стефан, обремененный своими бедами, наотрез отказался помочь. И когда Хьюго два месяца назад убили в очередной стычке, Фокхерст перенес ненависть к отцу на сына, и Жильбер очутился в безвыходном положении. Напрасно он молил о мире. Фокхерст отказался даже выслушать его, что крайне озлобило Жильбера, поклявшегося любой ценой вернуть владения д'Амбре. Но цена эта оказалась слишком высока для Ровены, которую брат принуждал лечь в постель мерзкого развратника. Правда, Жильбер пообещал, что брак не продлится долго и Ровена вскоре вернется под его опеку, поскольку старый греховодник одной ногой стоит в могиле. Но главная беда заключалась в том, что Жильбер требовал от Ровены родить ребенка. Только таким способом он мог заполучить назад утраченное, а заодно и все принадлежавшее Лайонзу. На деньги Годвина он собирался снарядить войско и отобрать у Фокхерста все, что тот успел захватить.

По мнению Жильбера, план был безупречен. Не потратив ни гроша, в результате он приобрел все, чего желал, включая и Ровену. В глубине души Жильбер не стеснялся признаться, что одержим миниатюрной светловолосой красавицей, по воле случая ставшей его сводной сестрой.

Он желал ее со дня первой встречи, когда девушке только исполнилось пятнадцать. Но отец не отдал Ровену Жильберу, объяснив, что нетронутая девушка имеет куда большую ценность для будущего мужа. Впрочем, отчим и не думал выдать падчерицу замуж, и если бы не его безвременная гибель, Ровена так и осталась бы старой девой. Жильбер, со своей стороны, был достаточно умен, чтобы смириться с мыслью о том, что не будет первым мужчиной в жизни Ровены. Ничего, у него хватит терпения дождаться, когда ее будущий муж отправится в мир иной.

Именно поэтому он хорошо обращался с Ровеной, не желая, чтобы та относилась к нему с такой же неприязнью, как к Хьюго. Он страстно желал добиться взаимности девушки. Тогда она не станет противиться, когда он затащит ее в постель. Жильбер так воцарился над сводную сестру, что женился бы, если бы это принесло ему земли и доходы. Но какова польза в подобном браке, если д'Амбре и без того заполучили ее владения? Как только она понесет от Лайонза, Жильбер овладеет ею и будет каждую ночь наслаждаться ее прелестями, пока не выдаст замуж вторично, чтобы вновь получить прибыль. Ну а избавиться от очередного супруга будет легче легкого. Куда труднее пробудить в Ровене ответное чувство.

Жильбер отчего-то считал невозможным выдать ее замуж против воли, хотя это было в обычаях того времени. Вероятно, он опасался, что такое насилие настроит Ровену против него. Но как ни странно, не видел ничего особенного в том, чтобы добиться ее согласия, унижая и мучая Энн. Он настолько привык наблюдать, как зверски отец избивает вторую жену, что не находил подобное наказание чем-то из ряда вон выходящим. К несчастью, Жильбер совершенно упустил из виду, что Ровена, жившая эти три года не в замке Амбре, а в крепости Кемл, не видела всех омерзительных сцен издевательств и побоев и в отличие от него не могла остаться равнодушной к происходящему. Жильбер был так уверен, что его обращение с леди Энн ничем не запятнает его образа в глазах Ровены, что понятия не имел, удастся ли такими методами заставить девушку согласиться на ненавистный брак. В запасе у него было еще немало способов сломить упрямство девчонки.

Жильбер жестоко ошибся, предположив, что Ровена так же безразлична к матери, как он был равнодушен когда-то к своей. Кроме того, он считал, будто Ровена воспримет как должное то, что рослый мужчина бьет беспомощную женщину. Но заметив, что Энн бросила на дочь взгляд, исполненный спокойного мужества, Жильбер тоже повернул голову и оцепенел от ярости, поняв, что проиграл. Девчонка слишком любила мать. Слишком. Огромные сапфирово-синие глаза были полны слез. Она едва удерживалась от того, чтобы не упасть на колени и умолять Жильбера остановиться. И давно бы сделала это, если бы не Энн, которая недвусмысленно дала понять, что о браке с Лайонзом не может быть и речи.

В эту минуту Жильбер думал, что, пожалуй, стоило бы одурманить девчонку сонным зельем, велеть священнику совершить свадебную церемонию и подложить новобрачную в постель Лайонза, прежде чем она сумеет опомниться. Теперь же прелестные синие глаза взирали на него с таким неподдельным отвращением, что было ясно: вопреки всем надеждам Ровена никогда не воспылет к нему желанием. Что же, будь что будет. Он еще поимеет ее, и скоро!

Однако, видя, что все усилия завлечь сводную сестру пошли прахом, Жильбер пришел в неистовую ярость. Тяжелый кулак угодил в висок Энн. Та мгновенно обмякла, бессильно повиснув на руках оруженосцев.

Зато из груди Ровены вырвался странный звук, похожий на крик раненой птички.

– Нет! Не нужно, – выдавила она задыхаясь.

Не обращая внимания на Энн, Жильбер подошел к Ровене, все еще кипя от злости. Неужели он мог так промахнуться! Но теперь уже поздно.

Он бесцеремонно стиснул подбородок девушки, вынуждая ее взглянуть на него. Но даже сейчас, вне себя от гнева, Жильбер не мог причинить боль Ровене. С неосознанной нежностью он осторожно вытер прозрачные капли, катившиеся по ее лицу.

– Ты выйдешь за лорда Годвина? – хрипло рявкнул он.

– Выйду.

– И будешь при этом весела и покорна?

Несколько мгновений Ровена недоуменно смотрела на него, прежде чем взорваться:

– Тебе не кажется, что это уж слишком?!

– Ничуть. Улыбка – сущий пустяк по сравнению с теми выгодами, которые сулит невесте брачный договор!

– А разве Лайонз с чем-то не согласен?

– Нет, просто нельзя терять времени! Фокхерст пока затаился, но лишь потому, что недавно захватил Тьюэрс.

Ровена смертельно побледнела. Она давно знала, что две ее крепости, те, что находились близ Дервуда, перешли к Фокхерсту, но замок Тьюэрс был самым большим из всех принадлежавших отцу. Настоящая твердыня, и к тому же расположен куда севернее Дервуда. Там она родилась и выросла. В его каменных стенах узнала столько счастья и любви! Сейчас Тьюэрс в руках врага... нет, враги прибрали его к рукам еще три года назад, так что какая разница, кто ныне владеет замком, один мерзавец или другой? Ей, во всяком случае, уже никогда не увидеть Тьюэрс, даже если лорд Годвин и сумеет отвоевать его.

Жильбер, неверно истолковав отчаяние сестры, поспешил ободрить ее:

– Не тревожься, Ровена. Лайонз безбожно разбогател, опустошая кошельки торговцев. Недаром он двадцать лет владел городом Керкборо! Каждый житель нес ему подати, и теперь его сундуки набиты золотом. Наемники, которых можно купить на такие деньги, быстро загонят Фокхерста в нору и заставят поджать хвост! Не пройдет и месяца, как Тьюэрс вернется к тебе.

Ровена не ответила. Ей уже говорили, что по условиям брачного договора все владения, которые удастся отвоевать, вернуться не к мужу, а к ней. Но какое значение имели заверения и даже подписанные документы в это незаконное страшное время, когда справедливость и правосудие были всего лишь пустыми словами?! Все могло перемениться только в том случае, если к власти придет Генрих Аквитанский. Но пока Лайонз, вне всякого сомнения, надеялся получить неплохой доход с земель жены. Жильбер, в свою очередь, рассчитывал в ближайшее время заполучить обратно все, чем пришлось пожертвовать, а значит, если Лайонз задержится на этом свете, деверь не преминет помочь ему попасть в ад. Однако Жильбер требует, чтобы Ровена прежде зачала.

Девушка вздрогнула и в который раз за последние три года вознесла молитвы Всевышнему о скорейшем возвращении на престол Генриха Аквитанского. Ее отец был вассалом Генриха. И Ровена первой присягнет новому королю. Тогда и только тогда она сумеет навеки избавиться от Жильбера д'Амбре. Сбудутся ли ее мечты?

Но Жильберу об этом знать не стоит. Пусть пребывает в блаженном неведении.

– Надеюсь, теперь моим вассалам будет позволено принести мне клятву верности, или несчастные будут слишком заняты, сражаясь под твоими знаменами?

Жильбер почувствовал, что краснеет. Отец и тут нарушил закон, по которому девять вассалов Беллема должны были ежегодно платить ей дань, несмотря на то что имения перешли к новому владельцу. Но за три года Ровена ни разу не видела ни одного рыцаря. Все это время ее держали в одной из малых крепостей Хьюго. Каждый раз, когда девушка изъявляла желание видеть вассалов, ее уверяли, что они на войне или осаждают замок, словом, находились сотни благовидных предлогов, чтобы расстроить встречу Ровены с преданными ей людьми. Наверное, они считали, что девушка давно умерла. Таким образом Хьюго легко добился их повиновения, не опасаясь, что придется отвечать на многие неприятные вопросы.

– Пятеро твоих вассалов погибли в боях с Фокхерстом, – не допускающим дальнейших возражений тоном объяснил Жильбер. – О судьбе сэра Жерара, кастеляна Тьюэrsa, ничего не известно. Вполне возможно, это чудовище прикончило его вместе с моими воинами.

Он равнодушно пожал плечами, словно давая понять, что судьба Жерара его несколько не интересует.

Немного порозовевшие было щеки Ровены вновь побледнели. Она больше не посмела задать ни одного вопроса, опасаясь услышать о печальной судьбе своих вассалов. Кого следует винить в их смерти? Фокхерста, нанесшего смертельный удар, или Жильбера и Хьюго, навлекших на себя гнев могучего воина? Господи милостивый, когда же снизойдет мир на эту землю?

Она тихо попросила Жильбера освободить ее. Тот кивнул своим людям, и девушка немедленно устремилась к матери. Однако Жильбер поймал ее за руку и подтолкнул к двери. Девушка принялась вырываться, но силы оказались неравны.

– Дай мне побыть с матерью!

– Нет, о ней позаботятся служанки.

– Я три года не видела ее, Жильбер, – напомнила Ровена, но, как и следовало ожидать, он остался безучастным к ее просьбе.

– Когда Лайонз обрюхатит тебя, можешь делать все, что заблагорассудится.

Он снова пытается манипулировать ею, добиться своего любой ценою!

– Ты омерзителен! Хуже, чем твой подлый папаша! Он по крайней мере был просто жестоким зверем и не разыгрывал благородного рыцаря, – злобно прошипела она, вне себя от ненависти. Пальцы Жильбера судорожно сжались, но больше он ничем не выдал себя.

– Я всего лишь забочусь о тебе!

– Лгун! Я подчинилась всем твоим требованиям, согласилась на любые условия, но если еще один раз упомянешь, что делаешь все эти гадости ради меня, я закричу!

Жильбер не стал спорить. Больше всего на свете в эту минуту ему хотелось сжать девушку в объятиях и осыпать поцелуями, ибо пламя ее ярости лишь подогревало его желание, куда сильнее, чем красота. Но сейчас не время. Если Ровена придет в постель Лайонза не девственницей, тот имеет полное право отказаться от такой невесты, и тогда всем надеждам и планам Жильбера придет конец. Прощай, богатство старого дурака!

Поэтому Жильбер, поспешно отступив, приказал:

– Готовься. Сегодня мы отправляемся в Керкборо. На завтра назначено венчание.

И при первых же признаках беременности она окажется в его постели по своей воле или вопреки ей.

Глава 2

На закате маленькая процессия прибыла в Керкборо. Ворота все еще были открыты, но Жильбер направил коней к крепости, возвышавшейся над городом. Ровена восприняла багровый свет заходящего солнца, заливший высокие стены, как предзнаменование того, что она скоро окажется в аду.

Во время двадцатипятимильной поездки Жильбер счел за лучшее придержать язык, но Ровена дошла до такого состояния, когда ей было все равно, как откликнется сводный брат на брошенные ему в лицо обвинения. Пусть по закону он оставался ее опекуном, никто и ничто на свете не могло ее заставить подчиняться человеку, достигшему своей цели несправедным путем. И если бы не мать, девушка давно нашла бы способ улизнуть и добраться до своих владений. Сегодня ненависть ее так возросла, что она вполне могла бы посягнуть на жизнь Жильбера. Но в случае неудачи матери придется плохо в руках сводного брата. Ровена не допустит, чтобы Энн страдала. Довольно она претерпела от Хьюго д'Амбре!

Теперь стало ясно, почему их с матерью разлучили сразу же после гибели отца. Если бы Энн и Ровена сумели спастись и сбежать вместе, они, несомненно, получили бы помощь от одного из влиятельных магнатов, враждебно настроенных к Стефану. Правда, Ровене наверняка пришлось бы выйти замуж за одного из них, чтобы защититься от Хьюго, но по крайней мере она имела бы возможность выбора.

Однако сейчас все это уже не важно. Она здесь и завтра ляжет в постель гнусного старикашки. Если бы только... Господи, как часто эти неотступные мысли посещали ее!

Если бы только отец не так сильно любил ее... Ровена уже в четырнадцать лет была бы женой и хозяйкой замка, подобно многим девушкам знатного рода. Ее обручили с благородным человеком. Он бы подождал с осуществлением брачных прав, пока девушка не войдет в возраст, когда сможет вынашивать и рожать детей. Но Уолтер не желал искушать жениха ее расцветающей красотой и боялся так скоро расстаться с единственной дочерью.

О, если бы только он сам не бросился в бой против армии д'Амбре, возможно, и по сей день был бы жив. Конечно, Хьюго осадил бы Тьюэрс, но еще оставалась возможность скрыться и отправиться ко двору Генриха или одного из лордов, его сторонников.

Если бы только Матильду не лишили короны... если бы только Генрих стал королем... если бы только Жильбер сдох! Но сейчас уже слишком поздно, даже если ее мечты осуществятся. Она в крепости Лайонза, попала к нему в лапы и, кроме того, дала слово выйти замуж. Даже если Жильбера не будет, Годвин непременно женится на ней, хотя бы из-за приданого.

Вне себя от отчаяния, Ровена поднялась по лестнице в парадный зал. Похоже, Жильбер не лгал, расписывая богатства Лайонза. Проходя через двор, Ровена заметила девять тяжело-вооруженных рыцарей, а башни и стены кишели солдатами. В зале оказалось еще несколько рыцарей. Столы были накрыты тонкими скатертями и уставлены золотой и серебряной посудой. Даже на стенах, украшенных искусными вышивками, висело красивое, но бесполезное оружие из золота и серебра, выложенное драгоценными камнями.

Крепостные деловито сновали туда и обратно, разнося блюда. На одного гостя приходилось двое слуг, но на последних Лайонз, очевидно, не собирался тратить деньги. Об этом красноречивее всяких слов говорили лохмотья, грязноватые трясущиеся руки и затравленные взгляды. Очевидно, они смертельно боялись, и не зря: не успела Ровена дойти до возвышения, где восседал Лайонз, как на ее глазах трем слугам без всякой причины отвесили подзатыльники, а четвертого избили так сильно, что бедняга рухнул на пол и остался недвижим.

Ровена в страхе замерла, но Жильбер нетерпеливо подтолкнул ее. В этот момент рыцарь, пинавший упавшего слугу, заметил, что за ним наблюдают, и приветливо улыбнулся девушке. Ни смущения, ни раскаяния. Он просто улыбнулся.

Ни для кого не было секретом, что в отсутствие дам мужчины ведут себя немногим лучше животных. Но здесь находилось немало женщин, вероятно, жен рыцарей, служивших у Лайонза. По-видимому, никто не обращал на них особого внимания, что яснее ясного говорило о характере человека, за которого ее собирались выдать замуж. Справедливо подмечено: каков хозяин, таковы и слуги.

Ровена старательно отводила глаза от хозяйского стола, оттягивая насколько возможно решающий момент. Но Жильбер остановился и стиснул ей руку. Девушка была готова ко всему, однако при взгляде на владельца Керкборо едва не закричала, охваченная невыразимым ужасом. Она невольно попятилась, и пальцы Жильбера больно впились ей в кожу. Действительность превзошла ее худшие ожидания. Восседавший во главе стола старик походил на живой труп: нездорово белая, как у гусеницы, кожа, испещренная глубокими морщинами, седые реденькие волосенки и согнутая под бременем лет спина. Он так горбился, что, встав, оказался не выше Ровены. Яркое шелковое сюрко², отделанное по вороту и проймам дорогим мехом, отнюдь не украшало его, наоборот, он выглядел еще смехотворнее и уродливее. Белки глаз отливали желтизной, один зрачок закрывало бельмо. Выяснилось, что Годвин почти слеп, поскольку для того чтобы хорошенько разглядеть невесту, ему пришлось едва ли не столкнуться с ней нос к носу. При этом он дохнул ей в лицо таким смрадом, что Ровену чуть не вырвало. Ущипнув ее за щеку скрюченными пальцами, он мерзко захихикал, показывая беззубый рот. К тому же стало ясно, что он еще и глух как пень: Жильберу пришлось почти прокричать полагающиеся в таких случаях приветствия. Девушка воспользовалась этим как последней возможностью спастись и попробовала уговорить брата отступить, пока не поздно:

– Пожалуйста, Жильбер, не делай этого, я ничем не заслужила такой участи. Если тебе непременно нужно выдать меня замуж, выбери кого-то другого, любого, только не...

– Замолчи, – прошипел он. – Дело сделано, и я дал слово.

Еще до того, как получил ее согласие?

– У нас еще есть время все исправить и уехать с миром.

– Ни за что! Лайонз единственный, кто согласился на все мои условия.

Его условия. Его выгода. Его прибыли. Подумать только, она унизилась до просьб, и все впустую. Эту безмерную жадность ничем не насытить. Но больше она никогда не опустится до подобного, ибо один лишь Господь милосерден. Мужчинами движут исключительно алчность и похоть.

Обернувшись к Жильберу, Ровена откинула голову, чтобы взглянуть ему прямо в глаза, и спокойно, почти бесстрастно предупредила:

– Советую поберечься, братец, если не хочешь получить в спину нож. Клянусь, что мой кинжал найдет свою цель и при первой же возможности я прирежу тебя, как свинью, за все, чему ты подверг меня.

– Не мели чушь, – пробормотал он, всматриваясь в нее. Должно быть, что-то в ее взгляде убедило Жильбера, что сводная сестра не шутит и не бросает на ветер пустых угроз. – Ровена! – потрясенно прошептал он, шагнув к ней.

Но девушка уже отвернулась и, подзвав слугу, велела проводить ее в отведенную для нее комнату. Если бы Жильбер или лорд Годвин попробовали остановить Ровену, та, вероятно, дала бы волю своему гневу. Но ни тот ни другой не двинулись с места, и девушка остановилась перевести дух только на каменной темной лестнице, ведущей к комнате в башне, где ей предстояло переночевать. Горькие слезы о напрасно загубленной жизни хлынули по щекам, и тишину нарушили сдавленные рыдания.

² Сюрко – средневековое одеяние без рукавов.

Глава 3

Ровена открыла глаза и недоуменно огляделась, не поняв сразу, где находится. Но уже через несколько мгновений память вернулась, а вместе с ней и черная тоска. Она не помнила, как и когда заснула. Вероятно, было уже далеко за полночь. Теперь же она дрожала в ознобе, словно вся кровь внезапно превратилась в лед.

Сквозь узкое оконце едва проникал серый свет. В очаге горел огонь, свеча на столе разливала мягкое сияние. Кто развел огонь, зажег свечу и раздвинул полог кровати? Если Жильбер посмел...

– Намереваешься валяться в постели, пока священник не выйдет из терпения и не явится сюда сам?

– Милдред! – охнула Ровена.

– Да, крошка моя.

Ровена вскочила и только сейчас узрела служанку, восседавшую на сундуке, которого еще вчера здесь не было. Ее собственный сундук и собственная служанка!

Милдред была при ней, сколько Ровена себя помнила, а до ее рождения служила леди Энн. Ее можно было бы назвать карлицей, не будь она такой круглой и пухленькой. По правде говоря, Милдред весьма любила поесть. И была так предана Ровене, что выпросила у Хьюго позволения отправиться за молодой хозяйкой в изгнание. Сорокапятилетняя женщина с каштановыми седеющими волосами и излучавшими тепло карими глазами заменила девушке мать.

– Как ты здесь оказалась? – допрашивала Ровена, осматриваясь вокруг.

– Перед тем как увезти тебя, Жильбер приказал, чтобы все вещи были сложены и доставлены сюда. Эти олухи решили было оставить меня в Кемле, но я их быстро привела в чувство!

– Значит, он уже тогда был уверен в моей согласии! – горько пробормотала Ровена.

– Я сподобилась увидеть ту старую развалину, которая предназначена тебе в мужья. Как ты могла?!

Девушка сердито смахнула выступившие на глазах слезы.

– Жильбер стал избивать маму, – дрожащими губами вымолвила она, – и не унимался, пока я не согласилась.

– Ах, мой ягненок! – вскричала Милдред и, вскочив с сундука, прижала Ровену к пышной груди. – Я так и знала, что он настоящее чудовище, не лучше своего родителя. На языке мед, а под языком лед, вот что я вам доложу! Недаром он все крутится у твоих юбок!

– Господи прости, как я его ненавижу! Для Жильбера самое главное – повыгоднее меня продать!

– Истинно так! Они уже готовятся к войне. К завтрашнему дню замок почти опустеет. Все рыцари и около тысячи солдат встанут под знамена Жильбера. И старик пообещал золота, чтобы нанять еще столько же. Не пройдет и месяца, как к тебе вернется все, что захватил Фокхерст, этот северный дракон.

– Ко мне? Ошибаешься! – взорвалась Ровена. – Думаешь, Жильбер когда-нибудь отдаст мне мои земли? Он получит их с помощью Лайонза, а когда тот сдохнет, я вновь стану его узницей. Братец не задумываясь снова выдаст меня за какое-нибудь чучело, чтобы набить себе кошель.

– Так вот оно что! – негодуя воскликнула Милдред.

– Он не постеснялся мне в этом признаться! Ну а тем временем мне следует как можно скорее понести от Лайонза, чтобы богатые земли не ушли из рук Жильбера, – хрипло рассмеялась Ровена. – Как по-твоему, Милдред, способен такой глубокий старик зачать младенца?

– Если верить мужчинам, несомненно, – фыркнула горничная, – но клянусь, это невозможно! Вчера вечером я наслушалась историй о том, как здешний лорд во что бы то ни стало

старается заполучить сына, который мог бы заменить тех, что погибли на войне. Представляешь, только за последние несколько лет этот сморчок женился четыре раза! И это не считая тех шестерых несчастных, которых он уморил!

– Что с ними со всеми случилось?

– Как я уже сказала, шестеро умерли по разным причинам, но слуги утверждают, что он их всех прикончил. А остальных попросту выгнал, поскольку ни одна не оказалась способной дать ему наследника.

– Значит, если я не рожу сына, через год он и от меня отделается! Неудивительно, что Жильбер уверял, будто я скоро избавлюсь от Лайонза.

– Да эта тварь не протянет и нескольких месяцев, если хочешь знать! Ему уже лет пять как полагается гнить в могиле. Непонятно, почему он все еще коптит небо! Должно быть, продал душу самому дьяволу!

– Тс-с-с, – прошипела Ровена и набожно перекрестилась, хотя в душе была согласна со служанкой. Ей и самой показалось, что Годвин походит на ожившего мертвеца.

– Ты в самом деле намерена выйти за него? – осведомилась Милдред, пристально глядя в свою госпожу.

– Можно подумать, у меня есть выбор.

– Конечно, есть. Проще его удушить, и конец.

Ровена, в которой при первых словах Милдред было пробудилась надежда, упрямо тряхнула головой:

– По-твоему, я сама об этом не думала? Просто боюсь, что Жильбер не перенесет такого крушения своих планов и выместит злость на маме. Изобьет ее до смерти! Я слишком боюсь рисковать.

– Ты, пожалуй, права, – согласилась Милдред, горячо любившая леди Энн. – Ничего, можно пустить в ход мои травки. Тебе ни к чему отдавать свое тело на поругание старому распутнику. Пара пустяков лишить его мужской силы...

Но Ровена нетерпеливо отмахнулась:

– Только кровь на простынях удовлетворит Жильбера. Ему нужны доказательства.

– Кровь... возможно, но не обязательно твоя.

Ровена не подумала об этом. Значит, ни к чему терпеть прикосновение сморщенных крючковатых пальцев, ощущать гнилостное дыхание, терзаться отвращением, которое навеки искалечит ее душу!

Она поежилась и мучительно вздохнула. Нет, хватит предаваться мечтам о том, что могло бы быть, придется пить эту горькую чашу.

– Вероятно, лорд Годвин и стоит одной ногой в могиле, но это не означает, что он глуп. И если не вспомнит, что лишил меня невинности ночью, наверняка захочет повторить все сначала. Предпочитаю скорее вынести этот ужас в темноте, чем при свете дня. По крайней мере не увижу эту мерзкую рожу!

– Хорошо, родная. Я сделаю питье для тебя. Ты не заснешь, но словно отупеешь и выдержишь все, что станет вытворять эта свинья.

Девушка нахмурилась. Вряд ли так уж хорошо лежать бесчувственной куклой и позволять делать с собой все, что взбредет в голову Лайонзу. Она и так очень беспомощна. Наверное, с Годвином лучше держаться настороже.

– Как долго действует твое снадобье? – задумчиво спросила она.

– Несколько часов. Достаточно, чтобы он все успел сделать.

– А если Годвин по ошибке выпьет все сам?

– Во всяком случае, вреда не будет. Если сможет овладеть тобой, значит, так тому и быть.

Правда, наутро он ничего не будет помнить.

Ровена бросилась на постель и застонала:

– Стало быть, мне придется терпеть еще и утром?!

– Ну почему ты вечно предполагаешь худшее? Я подмешаю зелье в вино, заранее налью в твой кубок и оставлю в спальне. Постарайся выпить все до последней капли, как только ляжешь. Никто тебя не остановит, все понимают, что невеста нуждается в подкреплении сил.

– Тогда я согласна. Все лучше, чем...

Но тут в дверь громко постучали. Ровена ожидала увидеть Жильбера, но в комнату ввалилось множество слуг. Они несли лохань и ведра с водой, а также поднос, на котором лежали ломоть хлеба и кусок сыра. Процессию замыкали служанки, державшие на вытянутых руках подвенечное платье из кремового атласа. Ровену сообщили, что если у нее нет ничего подходящего, лорд Годвин просит надеть этот наряд.

Из перешептываний служанок Ровене удалось узнать, что платье носили две последние жены Лайонза. Как омерзительно скуп этот негодяй! И уж конечно, ему абсолютно безразличны ее чувства.

– Почему нет! – неожиданно вырвалось у нее. – Бедняжкам удалось вовремя избавиться от такого мужа! Может быть, платье и мне принесет удачу!

В комнате воцарилась гробовая тишина. Ровена проклинала себя. Неужели не могла сдержаться?! Что теперь будет!

Но оказалось, что служанки просто-напросто потрясены подобной откровенностью. Вскоре кто-то из них пришел в себя. Послышался нервный смешок, за ним другой, и Ровена с облегчением поняла, что приобрела неожиданных союзников, ненавидевших хозяина столь же сильно, как она сама.

Глава 4

Несмотря на молитвы и тайные надежды Ровены, никто не пришел на помощь, и после вечерней мессы священник обвенчал ее с лордом Годвином Лайонзом, владельцем Керкборо, в присутствии свидетелей и с надлежащей помпой. Ее, словно вещь, передали в руки нового хозяина, мужа и повелителя, который, очевидно, окончательно впав в детство, благополучно проспал всю мессу.

После церемонии все собрались в парадном зале на праздничный пир. Ровена сидела рядом с Годвином, брезгливо наблюдая, как тот хлюпает и чавкает, заглатывая кашу, которой был вынужден питаться из-за отсутствия зубов. Правда, он, заметив, что она ничего не ест, то и дело галантно подкладывая ей в золотую тарелку что-нибудь из еды. Однако Ровена боялась, что, если проглотит хоть кусочек, ее сразу же вывернет наизнанку.

Один Жильбер был на седьмом небе. Он наконец добился своего, и теперь ничто не могло испортить его настроения, даже упорное нежелание сводной сестры отвечать на обращенные к ней вопросы. Он сидел напротив Ровены, жадно ел, опрокидывал кубок за кубком и без устали расписывал, как заставит Фокхерста поджать хвост и обратиться из захваченных владений.

Милдред оказалась права: Жильбер даже не дал рыцарям попировать вволю, перед тем как отправиться на войну. Он отослал их в свою крепость с приказом немедленно присоединиться к его собственным наемникам и вместе идти к стенам Тьюэrsa. У Жильбера даже не хватило терпения выждать, пока на полученное от Лайонза золото он сможет нанять еще людей. Что, если войско не успеет осадить Тьюэрс и Фокхерст преспокойно улизнет?!

Но Ровену все это ничуть не интересовало. Она ненавидела Жильбера с такой силой, что готова была отказаться от прав на Тьюэрс, лишь бы насолить сводному брату. Ей все равно, кто заполучит замок! Жильбер такой же негодяй, как и Фокхерст. Она от души надеялась, что они прикончат друг друга.

Когда настало время вести невесту в опочивальню, Ровена, охваченная безумным отчаянием, едва не бросилась бежать. Глаза щипало от непролитых слез, лицо казалось таким же мертвенно-белым, как у мужа.

Должно быть, женщины поняли, в каком она состоянии. Вопреки обычаю в зале не слышалось грубых шуточек и непристойных советов. Ровена остро ощущала направленные на нее со всех сторон сочувственные взгляды. Служанки постарались поскорее раздеть новобрачную и убраться из комнаты. Оставшись в тонкой сорочке, девушка невольно поежилась. Подумать только, ни одна из женщин не предложила ей разоблачиться догола, да она и не согласилась бы. Годвин слеп и ничего не заметит! По крайней мере она не почувствует прикосновения его омерзительного тела!

Как здесь холодно!

Ровена поспешно набросила на плечи накидку и задула все свечи, кроме одной, стоявшей у кровати. До этой она дотянется потом, не вставая.

Девушка шагнула к столу, где стояли кувшин с вином и две чаши, из которых только одна была наполнена, и уже протянула руку, но в последний момент заколебалась. Действие зелья продлится всего несколько часов. Что, если муж явится не сразу? Может, стоит немного подождать? Нужно было спросить Милдред, сколько пройдет времени, прежде чем питье подействует!

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился Жильбер.

– Не смей! – рявкнул он, ставя на стол принесенный с собой кувшин. – Не зря меня насторожила твоя показная послушность! Хорошо еще, вовремя догадался, что это не к добру!

– А что прикажешь делать, когда ты держишь в заточении матушку?

Но Жильбер пропустил ее слова мимо ушей.

– Так ты намеревалась его отравить? – прошипел он, показывая на чашу.

– Нет.

– Себя? – допрашивал сводный брат, став мрачнее тучи. Ровена истерически рассмеялась, жалея, что у нее не хватит мужества покончить с собой. Жильбер стиснул ее плечи и принялся трясти. – Отвечай, черт тебя побери!

Ровена рывком сбросила цепкие руки.

– Никого я не хотела бы отравить, разве что тебя! – выкрикнула она, вне себя от гнева. Жильбер отшатнулся, и Ровена неожиданно сообразила: сводный брат действительно опасается, что она способна убить себя. Кажется, он волнуется за нее?!

– Много шума из ничего, – пробормотал он, отводя глаза. – Ты придаешь всему этому слишком большое значение! Чем скорее забеременеешь, тем быстрее я избавлю тебя от этого слизняка. Сколько раз говорить – этот брак ненадолго!

– Значит, в самом деле решил прикончить его?

Жильбер не успел ответить: в коридоре послышались топот и пьяные выкрики. Очевидно, это вели жениха в брачную постель.

– Ложись и жди, – приказал Жильбер, подталкивая ее к кровати. – И веди себя, как подобает новобрачной.

Но Ровена круто развернулась и, побелев от злости, почти взвизгнула:

– На моем месте должен быть ты! Ведь эта свадьба – твоих рук дело! Он настолько слеп, что, возможно, не заметит разницы!

Внезапно Жильбер широко улыбнулся:

– Рад видеть, что твой дух еще не сломлен! Но с моей стороны было бы глупо доверять тебе, поэтому я беру это с собой.

Он подхватил кувшин и чашу, приготовленные Милдред, и шагнул к двери. Ровена прикусила губу, чтобы не унизиться до просьб. Бесплезно: даже знай сводный брат об истинном предназначении вина, вряд ли согласился бы его оставить. Впрочем, так или иначе, все оказалось зря...

Громко всхлипнув, Ровена подбежала к кровати и как раз успела прикрыться одеялом, когда несколько рыцарей, еще не покинувших Керкборо, внесли жениха. При виде невесты смех и гогот стихли. Заметив похотливые взгляды мужчин, Жильбер велел всем удалиться, и вскоре девушка осталась наедине с мужем.

Он явно постарался принарядиться для брачной ночи, хотя в богатом одеянии из черного бархата, расшитого серебром, казался еще бледнее и уродливее. Лайонз даже не позаботился завязать его как следует, и распахнутые полы обнажали старческое тело. Ровена на мгновение прикрыла глаза, но перед внутренним взором по-прежнему стояла гнусная картина: иссохшие ноги, выступающие ребра, впалый живот и крошечная сморщенная закорючка между бедер. Ровена не раз слышала рассказы служанок о чудовищном мужском оружии, но ей этот болтавшийся мешочек показался просто смешным. Она бы расхохоталась, но в горле стоял ком, мешавший дышать. Ровена начала молиться про себя, прося Господа дать ей сил вынести все и не потерять рассудок! Хоть бы это закончилось поскорее и ее оставили в покое!

– Ну, моя прелесть, где ты? – прошамкал старик. – Я слишком стар, чтобы гоняться за тобой по всей комнате!

– Здесь, мой господин!

Муж продолжал подслеповато шуриться, и Ровена поняла, что он ее не слышит. Ей пришлось повысить голос, и только тогда Годвин, спотыкаясь, принялся подниматься по лесенке, ведущей к кровати.

– Ну? И чего ты ждешь? – скомандовал он тем же капризным тоном, стоя на верхней ступеньке и не пытаясь лечь. – Неужели не видишь, что мой могучий воин требует помощи, прежде чем ринуться в битву? Подойди и поиграй с ним, жена!

Эта сморщенная штучка и есть могучий воин? Ровена что-то прохрипела, но старик, не обращая на нее внимания, гнусно хихикал. Мутные маленькие глазки были устремлены куда-то вдаль.

– Я не обижусь, если поцелуешь его, прелесть моя, – промямлил он, все еще ухмыляясь.

Ровена зажала рукой рот, стараясь побороть тошноту. К горлу подступила желчь; невыносимая горечь опалила губы. Девушка судорожно сглотнула. Если бы только муж мог видеть ее лицо в эту минуту! Ему наверняка было бы не до смеха. Но он и без того едва дышит! Ничего, Жильбер еще заплатит ей за все!

– Так что же ты медлишь? – шипел старикашка, шаря руками по кровати. – Где ты, мое глупенькое дитя? Или мне позвать верного слугу Джона, чтобы он нашел тебя? Ты и без того скоро с ним познакомишься, и весьма близко! Если не сумею обрюхатить тебя сам, отдам Джону. Я слишком устал и немощен, чтобы заниматься всеми этими пустяками! Хватит мне перебирать женщин! Ты последняя из всех моих жен, и я любым способом добьюсь от тебя наследника! Что скажешь, девушка?

Наверное, он пытается запугать ее? Или она не расслышала?!

– Кажется, мой господин, вы совершенно отчаялись, если только не... я верно вас поняла? Вы и впрямь можете отдать свою жену слуге, чтобы тот наградил ее ребенком?!

– Вне всякого сомнения. Я питаю к Джону некоторую слабость. Он мой любимый слуга, и я не постыдился бы назвать его дитя своим. Пусть лучше все достанется ему, чем моему ненавистному живоглоту братцу!

– Но почему бы вам попросту не объявить, что Джон – ваш побочный сын?

– Не говори глупостей, девочка! Никто этому не поверит. Но ни один человек не усомнится, что я отец твоего младенца!

Неужто такое бывает? Этот человек хуже любого зверя! Те по крайней мере никого не принуждают спариваться! И если Лайонз сам окажется ни на что не годным, значит, бросит ее такому же грубому скоту, как сам, только помоложе, нимало не заботясь о ее чувствах и желаниях. Жильбер тоже не станет возражать, поскольку преследует те же цели, что и Лайонз.

Господи Иисусе, неужели ей действительно придется через это пройти? Конечно, Годвин настолько жалок и немощен, что даже она, слабая женщина, в силах противостоять ему. Но что станет с матерью? Кроме того, он ее муж, то есть приобрел полную власть над своей женой. Сама жизнь Ровены зависит от одного его слова, и если ему взбредет в голову расправиться с ней, никто и не подумает вступить за нее.

– Что же ты мешкаешь? – взвизгнул старик. – Или я ошибся в выборе, и следовало бы подыскать девушку поговорчивее, которая была бы рада согреть мою постель? Немедленно иди сюда, жена, и приготовь меня, слышишь?

Услышав приказ, Ровена нервно дернулась, но не сумела заставить себя прикоснуться к мужу. Она скорее умрет!

– Не могу, – громко сказала она, надеясь, что Годвин расслышит. – Если хотите взять меня, я не стану сопротивляться, но и помогать вам не желаю.

Лицо старика вмиг побагровело, безумно вытаращенные глаза едва не вылезли из орбит. Он кипел таким неукротимым гневом, что Ровена лишь сейчас поняла, почему ни одна из десяти жен не посмела ни в чем ему отказать. Что, если он прикажет избить ее за строптивость? Самому ему с этим явно не справиться.

– Ты... ты... – заикаясь, прохрипел Лайонз, злобно уставясь на нее, но внезапно судорожно прижал руку к груди и издал странный звук, больше похожий на лай. Ровена уже хотела было немного успокоить его, но тут Лайонз покачнулся и, потеряв равновесие, покатился по ступенькам.

Ровена, оцепенев, долго боялась шевельнуться. Наконец она осторожно подобралась к краю кровати, чтобы взглянуть вниз. Старик лежал неподвижно, по-прежнему держась за

сердце, и, кажется, не дышал. Девушка ошеломленно воззрилась на него. Мертв? Так скоро? Неужели Господь услышал ее молитвы?

У нее вырвался тихий смех, тут же перешедший в плач. Что теперь будет? Что скажет Жильбер? В конце концов не ее вина, что... Но так ли это? Если бы она не отказалась... Но в глубине души Ровена не чувствовала ни малейших угрызений совести. Кто знал, что старика убьет отказ потворствовать его извращенным желанием?

Но действительно ли Лайонз испустил дух? Она не может заставить себя дотронуться до него, чтобы выяснить наверняка. Даже сейчас мысль о прикосновении к этому человеку вызывала отвращение. Наверное, нужно кого-нибудь позвать на помощь!

Ровена прыгнула вниз, метнулась к двери и, выбежав в коридор, очутилась в объятиях Жильбера.

– Ну да, я так и думал! – поморщился он. – Замыслила сбежать? Но я не потерплю твоих выходок. Сию минуту вернись и...

– Дьявол его прибрал, Жильбер! – выпалила Ровена.

Брат больно стиснул ее пальцы, прежде чем потащить в комнату. Подойдя к старику, Жильбер нагнулся и приложил ухо к его груди. Потом медленно поднял голову. Лицо его, искаженное гневом, было страшно.

– Как ты ухитрилась это проделать?

Ровена растерянно попятилась.

– Да я и пальцем его не тронула! И в комнате было лишь твоё вино, которого он не пил. Даже лечь не успел! Схватился за грудь и рухнул вниз!

Жильбер еще раз внимательно осмотрел старика и, кажется, поверил Ровене. Он прикрыл мертвеца, подошел к сестре и после минутного раздумья объявил:

– Не смей выходить из комнаты и никого сюда не впускай.

– Что ты задумал?

– Нужно найти ему подходящую замену. Крайне важно, чтобы ты понесла именно в эту ночь! Будь проклята моя черная грива! Старик, как и ты, был в молодости светловолос! Если бы не это, я сам объездил бы тебя!

Ровена испуганно охнула и бросилась к двери.

– Нет! Я не стану!

– Молчи, – прорычал он, – будешь делать как сказано, если хочешь увидеть мать живой!

Девушка смертельно побледнела, ни на минуту не усомнившись, что Жильбер способен на любое преступление. Но что же будет с ней! Становиться игрушкой неизвестного человека, возможно, такого же мерзавца, как сводный брат...

– Неужели надеешься, что тебе все сойдет с рук? – в отчаянии выдавила она. – Подумай, ведь Лайонз уже на том свете!

– Никто не должен узнать об этом, пока ты не забеременеешь! А тем временем эта спальня станет для тебя тюрьмой.

– И его тело так и будет лежать здесь? – со страхом спросила Ровена.

– Нет, я избавлюсь от него, – нетерпеливо бросил Жильбер. – А когда придется его хоронить, найду другого мертвеца, который вполне сойдет за старикашку. Так или иначе он будет предан земле со всеми церемониями до того, как его брат обо всем пронюхает и явится за наследством. Надеюсь, ты к тому времени уже сможешь гордо выставить напоказ всем любопытным свое чрево! Кстати, таково было бы и желание Годвина!

Пусть Жильбер не лжет, но разве это оправдывает его деяния? Как он уверен в том, что его план удастся! И почему бы нет? Ему остается только выждать, пока тело Ровены не будет принесено в жертву обмана и лжи какому-нибудь похотливому скоту. И на этот раз от ее согласия зависит жизнь матери!

Глава 5

На него напали, когда он возвращался из мыльни постоялого двора, где одновременно мылись несколько десятков человек. Пятеро неизвестных, одетых в кожаные безрукавки, взяли его в кольцо. Однако на воинов они не походили. Скорее обычные грабители, каких полно в городах, где правит слабый или вечно отсутствующий лорд или продажный олдермен³.

К сожалению, он совсем не знал Керкборо, поскольку никогда не бывал тут раньше. Вероятно, и здесь царят беззаконие и насилие, а всех путешественников и чужаков непременно стараются обворовать или похитить, чтобы потом потребовать с родственников выкуп пожирнее. Правление Стефана обернулось неисчислимыми бедами для Англии, и разезжать по стране одному или с небольшим эскортом означало рисковать не только кошельком, но и жизнью.

Приходилось признать, что он сделал огромную глупость, явившись сюда в сопровождении единственного оруженосца. И все лишь потому, что хотел предстать пред невестой во всем блеске красоты и мужественности. Подумать только, куда завели его тщеславие и уверенность в собственной неуязвимости! Слишком долго он считал себя непобедимым и не сомневался, что одной его репутации достаточно, чтобы держать врагов в благоговейном страхе. Но здесь никто и понятия не имел ни о нем, ни о его репутации, так что приходилось полагаться на свои силы.

Уоррик де Шевиль сознавал, что совершил непростительную ошибку, за которую еще долго будет себя проклинать, ибо он был не из тех, кто отличается снисходительностью даже по отношению к самому себе. Откровенно говоря, город казался мирным и ухоженным, а ему было не до предосторожностей. Скоро он женится в третий раз и не желал, чтобы новая жена страшилась его так же сильно, как две первые. Уоррик возлагал большие надежды на леди Изабеллу. И хотя такое слюняйство было не в его правилах, он почти год добивался ее расположения, когда находил для этого время, разумеется. Ее отец с радостью благословил столь выгодный брак, однако Уоррик желал получить согласие Изабеллы и отказывался заключить брачный договор, пока не завоюет сердце невесты. Теперь все уладилось, и ему не терпелось привезти суженую в свой замок.

Леди Изабелла Малдюи была не только первой красавицей графства и завидной невестой, но еще и славилась добрым характером, изящными манерами и очаровательным чувством юмора. Именно смеха и веселья так не хватало в жизни Уоррику, чья семья была жестоко уничтожена, а в сердце надолго поселились горечь и ненависть. Правда, в живых остались две дочери, но отец считал их легкомысленными и эгоистичными созданиями. Да, он, конечно, любил их, но не мог долго выносить постоянной грызни и перепалок. Он мечтал иметь дом, такой как в детстве, теплый и надежный, где жилось бы мирно и спокойно, откуда не хотелось бы удрать на очередную войну. А еще Уоррик грезил о сыне.

Он считал, что просит у судьбы не так уж и много – не больше, чем любой мужчина на его месте. И добрая, приветливая жена могла бы дать ему все это. Уоррик думал, что нашел именно такую подругу жизни в лице Изабеллы. Она была очень привлекательна и нравилась ему. Оставалось надеяться, что это чувство со временем перерастет в нечто большее, хотя... хотя Уоррик не был уверен, что способен любить после стольких лет, исполненных злобы и отчаяния. Но разве любовь так уж важна? Главное, чтобы супруга почитала и уважала его. И все будет хорошо, если, конечно, его не прикончат этой ночью.

Беда в том, что он даже не был как следует вооружен, поскольку оставил меч и доспехи в своей комнате и наказал Джеффри все как следует вычистить. Хорошо еще, что не забыл сунуть за пояс кинжал! И теперь из всей одежды на нем оставалась лишь короткая набедренная повязка, из-под которой высовывалась рукоять клинка. Все остальное он велел слуге постирать.

³ Олдермен – здесь: наместник.

Но даже в таком виде Уоррик представлял немалую угрозу для нападавших. Те не слишком горели желанием броситься на широкоплечего гиганта, возвышавшегося над низкорослыми разбойниками. Кроме того, судя по лицу, можно было безошибочно сказать, что перед ними человек жестокий и опасный, готовый без содрогания прикончить любого. А в серых глазах стыло такое ледяное презрение, что один из незнакомцев испуганно перекрестился, прежде чем выхватить меч.

Кольцо врагов медленно сужалось. Предводитель что-то прокричал, вероятно, требуя от Уоррика сдаться без боя. Но не на того напал!

Уоррик стиснул рукоять кинжала, издал боевой клич, от которого кровь стыла в жилах, и метнулся вперед так быстро, что стоявший поблизости негодяй, не успев ничего понять, схватился за рассеченную щеку. Правда, Уоррик метил в горло, но промахнулся, зато отчаянный визг раненого вселил страх в сердца нападавших.

Вскоре стало ясно, что незнакомцы либо плохо владеют оружием, либо не намерены убивать Уоррика. В этом и заключалась их ошибка.

Он ранил еще одного, но тут остальные опомнились и принялись защищаться. Им было приказано быть поосторожнее с пленником, но и погибать понапрасну тоже не хотелось.

В этот момент в бой вступил Джеффри, услышавший звон стали. Мальчишке было всего пятнадцать. Такого оруженосца Уоррик ни за что не повел бы за собой на поле брани, ибо считал, что парнишка еще недостаточно вырос и окреп. Конечно, он умел обращаться с мечом, но его руки были еще слишком слабы, и поэтому удары выходили не очень увесистыми. Правда, недостаток силы Джеффри с лихвой возмещали боевой задор и мужество. Он ринулся на врагов, но не успел еще размахнуться, как в живот ему вонзился меч.

Уоррик заметил неверяще-изумленное выражение лица юноши, мгновенно сменившееся гримасой ужаса и отчаяния. Джеффри медленно согнулся и упал на землю.

Мальчик воспитывался в его доме с семи лет. Только в прошлом году Уоррик взял его под свое крыло и сделал оруженосцем, хотя у него уже имелось несколько и в лишнем не было нужды. Он привязался к парнишке, который был готов на все, чтобы угодить господину, и сейчас, видя, что еще несколько секунд – и Джеффри отправится на небо, Уоррик с яростным криком метнул кинжал в убийцу. Тот рухнул, сжимая обеими руками горло, из которого бил багряный фонтан, и не успели окружающие опомниться, как Уоррик выхватил меч из руки стоявшего неподалеку противника. Но было поздно. Лезвие другого меча плашмя обрушилось ему на голову, и Уоррик сполз на пол.

Двое мужчин, весьма благоразумно наблюдавших за схваткой со стороны, долго отдувались, прежде чем сунуть мечи в ножны и приблизиться к поверженному пленнику. Один осторожно пнул Уоррика в бок носком сапога, желая удостовериться, что он действительно потерял сознание. Русые пряди потемнели и слиплись от крови. Зато он жив, а следовательно, приказ хозяина выполнен!

– Но нам было велено найти раба, а этот человек – воин, – встревоженно заметил один нападавший другому. – Так сражаются только рыцари. Неужели ты не способен отличить знатного человека от простолюдина?

– Нет, он был покрыт дорожной пылью, когда вошел сюда. Я увидел, что на нем нет лат, а глаза и волосы точь-в-точь такие, как требовал лорд Жильбер. Хорошо еще, хоть такого отыскали!

– Сунь ему в рот кляп и молись, чтобы лорд Жильбер не вздумал его расспрашивать!

– Да какая разница! Половина рыцарей лорда Годвина – неотесанные деревенские олухи! А мы приведем лорду Жильберу парня с глазами и волосами в точности того цвета, как нужно! Кстати, зачем это ему понадобилось?

– Наше дело выполнять приказ, а не совать нос куда не просят! Ну и тяжелая у тебя ручища! Так врезал бедняге, что теперь придется его нести!

– Все лучше, чем снова пытаться его усмирить, – фыркнул собеседник. – Вот уж не думал, что так трудно придется! Как по-твоему, мальчишка его сын?

– Возможно, а коли так, то наши беды еще не кончились. Пожалуй, надо его связать по рукам и ногам, иначе не миновать очередной схватки.

Глава 6

Ровена заснула, неловко скорчившись на краю огромной кровати. Перед тем как забыться, она долго смотрела на то место, где еще недавно лежал Годвин. Жильбер, как и обещал, куда-то унес тело и оставил ее одну, на прощание еще раз предупредив, чтобы никого не впускала, кроме него.

Девушка с радостью бы запретила появляться и ему. Будь у Ровены оружие, она не задумываясь попыталась бы убить своего тюремщика, прежде чем тот принудит ее к новым неслыханным мерзостям. Но она была безоружна и не могла сбежать, не подвергая опасности жизнь матери. Трудно сказать, что хуже: брак с Лайонзом или то, что задумал Жильбер. Нет, что может быть ужаснее для восемнадцатилетней девушки, чем лечь в постель с гнусным старым распутником?!

Ей даже не было жалко Лайонза, хотя, вероятно, и она отчасти виновна в его кончине. Поганец скорее всего прикончил не одну невинную женщину, имевшую несчастье стать его женой, и все лишь потому, что либо они ему надоедали, либо старался заполучить приданое очередной жертвы, чтобы потуже набить сундуки. К сожалению, Ровена прекрасно знала, что таких бессовестных негодяев не так уж мало. Но были и другие, порядочные благородные люди, подобные ее отцу. Именно поэтому даже среди всеобщего разгула беззакония и жестокости мир не рухнул окончательно.

Задолго до рассвета Жильбер постучал в дверь. Судя по тому, как ломило все тело, а мысли путались, Ровена проспала только несколько часов. Но при первых же словах сводного брата сон как рукой сняло.

– Все готово. Моим людям повезло отыскать нужного человека. Мне было необходимо, чтобы глаза и волосы у него оказались точь-в-точь как у твоего мужа, поскольку именно это в первую очередь замечают в младенце посторонние.

Ровену бросило сначала в жар, потом в холод. Внутри у нее свело от страха. Он действительно сделал это: нашел наемника, которому можно кинуть ее, как кость собаке. Впрочем, точно так же поступил бы ее муж, видя, что сына ему не дождаться. Как они схожи, Лайонз и Жильбер. Та же подлость характера, та же расчетливость, та же алчность. Ровена не удивится, если Жильбер уговорил того самого Джона, о котором упоминал покойный муж, занять место Лайонза на брачном ложе. Иисусе милостивый, неужели этот кошмар никогда не кончится?!

– Поспеши, – велел Жильбер, стаскивая Ровену с постели. – Хотя до утра далеко, тебе понадобится немало времени. Нужно соединиться с этим мужчиной не один раз, чтобы увериться, дало ли его семя росток.

– Почему ты все это мне высказываешь? – прошипела Ровена, безуспешно пытаясь вырвать руку. – Можешь давать свои мерзкие наставления тому жеребцу, которого приготовил для меня!

К ее удивлению, Жильбер не рассердился.

– Сама все увидишь, – только и сказал он.

И она увидела. Почти сразу же, поскольку, как оказалось, незнакомца положили в маленькой комнате прямо напротив ее спальни. Здесь помещалась только кровать, по сторонам от которой возвышались высокие канделябры. Ровена не знала, что именно в этой каморке ее муж предавался самому разнузданному разврату с рабынями. Над изголовьем кровати даже висели тонкие цепи, хотя такому сильному мужчине, как пленник, ничего не стоило их разорвать. Поэтому Жильбер, опасаясь, что неизвестный освободится и начнет сопротивляться, велел принести тяжелые кандалы и приковать его к кровати, так что тот не мог пошевелиться.

Ровена тотчас же заметила, что мужчина привязан крепко-накрепко и к тому же почти обнажен. Привязан? Нет, закован! Руки подняты над головой, а под кроватью натянута цепь. Значит... значит, и он невольник! И к тому же лежит без чувств... или просто спит?

– Почему ты не заплатил ему, вместо того чтобы притащить сюда силой? – с трудом вымолвила она. Жильбер, все еще не выпуская пальцев сестры, глухо пояснил:

– В таком случае он взял бы тебя. Я же отдаю его тебе, чтобы не чувствовала... не считала...

Он запнулся, и Ровена спокойно добавила:

– Что меня насилуют?

Как ни странно, Жильбер вспыхнул.

– Считай, что я предоставил тебе свободу действий. Так или иначе, сегодняшней ночью ты должна расстаться с девственностью. Это приказ.

Ровена неожиданно сообразила, что он уверен, будто оказал ей величайшую милость. Но она так не считала. Притащить силой невинного человека, связать и подсунуть ее, Ровену, словно жертву на заклинание! Однако Жильбер, как всегда, преследовал лишь собственную выгоду. Если Лайонз, уйдя в мир иной, не оставит наследника, все достанется его брату, включая армию наемников, в которой так нуждался Жильбер. В этом случае он сможет пользоваться войском всего несколько недель, пока правда о смерти Лайонза не выплывет наружу. Но этого времени недостаточно, чтобы отобрать все, захваченное Фокхерстом. Будь проклято это воинственное чудовище, одержимое жаждой мести! Он еще хуже Жильбера! Только из-за него Ровене придется пройти через этот ад!

Но тут Жильбер немного всполошился, вспомнив, насколько неопытна сестра.

– Ты... э-э-э... знаешь, что делать? Если нет, я попрошу кого-нибудь помочь. И сам бы вызвался, но вряд ли сумею вынести...

Он осекся, и девушка изумленно уставилась на него:

– Если находишь все это таким отвратительным, почему мучаешь меня?

– Так нужно, – процедил он сквозь зубы. – Другого способа сохранить Керкборо нет.

По-видимому, ему все-таки не по нраву затеянное! В душе Ровены затеплился огонек надежды.

– Тебе все равно придется скрывать смерть старика, – напомнила она. – Мог бы солгать и насчет ребенка, а тем временем воспользоваться наемниками Лайонза.

– А что будет, когда пройдет девять месяцев и младенец не появится на свет? Нет, лен слишком богат, а город огромен! Не желаю терять его из-за твоих капризов. Сделаешь, как тебе велено, Ровена. Я поместил пленника рядышком с твоей опочивальней, чтобы никто не увидел, как ты пробираешься сюда каждую ночь. Днем можешь отсыпаться, а домашним я скажу, что Годвин заболел и ты за ним ухаживаешь. Никто ничего не заподозрит. Слугам будет приказано держаться подальше, всем, кроме твоей собственной камеристки, которая, надеюсь, станет во всем тебе подчиняться... если хочешь, конечно, сохранить ее при себе.

Опять угрозы? Теперь и жизнь Милдред висит на волоске? Небо, как она его ненавидит!

– И сколько это будет продолжаться, Жильбер?

– Пока не забеременеешь. И если все это тебе настолько неприятно, придется насаживать себя на его копьё несколько раз за ночь. Да-да, этот увалень достаточно здоров и силен, чтобы усладить тебя часами напролет! Так и только так ты сможешь поскорее от него избавиться!

Значит, кошмару не суждено закончиться этой ночью... он будет длиться бесконечно! И отныне вместе с Ровеной этот ужас придется разделить и бедняге, вся вина которого заключается в том, что он имел несчастье родиться с серыми глазами и русыми волосами с золотистым отливом.

– Ты намереваешься постоянно держать его связанным?

– Не забивай свою головку разной чепухой. Тебе нет до него дела, – беззаботно ответил Жильбер. – Подумаешь, какой-то крепостной, от которого можно избавиться, как от ненужной ветоши, когда надобность в нем отпадет.

– Крепостной? – с сомнением протянула Ровена. Судя по росту и стати, этот человек не походил на простолюдина – ступни его упирались в изножье кровати, а плечи были широчеными.

– Слишком он высок и мускулист для крестьянина. Что ты наделал, Жильбер?! Неужели похитил свободного человека? Горожанина?!

– Нет... вероятно, бастарда какого-нибудь лорда, – заверил Жильбер. – Если бы Керкборо посетил знатный господин, наверняка явился бы в крепость, чтобы провести ночь, не платя ни гроша за комнату и ужин. Даже самый ничтожный безземельный рыцарь предпочел бы компанию себе подобных и не замедлил бы предстать перед владельцем поместья. Возможно, он и свободный человек, но невысокого полета птица. Паломник или бродяга, и всего лишь.

– Но ты все-таки собираешься покончить с ним?

Вопрос явно застал сводного брата врасплох.

– Не будь душой! – нетерпеливо рявкнул он. – Останься он в живых, может предъявить права на младенца! Конечно, никто ему не поверит, но поползут слухи, а братцу Годвина только и нужен предлог, чтобы окончательно разорить тебя.

Итак, даже если она безропотно покорится Жильберу, кто-то все равно должен умереть. Сознание неотвратимости зла вынудило Ровену презреть страх, которым она постоянно глушила бурлившую в душе ярость.

– Пусть Господь покарает тебя за жадность и подлость, Жильбер, – тихо выговорила девушка, вырвав свою руку, но что-то в его изумленно-непонимающем лице заставило ее окончательно забыть об осторожности. – Убирайся! – завопила она. – Я сумею изнасиловать этого страдальца и без помощи посторонних! Но пришли ко мне Милдред, человека нужно сначала привести в чувство, иначе вряд ли от него будет какая-то польза!

К сожалению, именно эти слова первыми услышал Уоррик, понятия не имевший, что девушкой в данную минуту движут горечь и гнев. Он пришел в себя, однако, издавна искушенный в воинских хитростях, не открыл глаз. Впрочем, ничего этим не добился: немного погодя послышался грохот захлопнувшейся двери.

Тишина. Кажется, его оставили в покое, но эта визгливая баба, вероятнее всего, сейчас вернется, если то, что она сказала, – правда. Неслыханно! Женщины просто не способны никого изнасиловать – у них ведь нет мужской снасти, да и в любом случае она имела в виду явно не Уоррика. Грубая шутка неотесанной девки, не более того. Но пока здесь никого нет...

Уоррик поднял веки, и первое, что увидел, – некрашенные балки потолка. Он повернул голову, чтобы отыскать глазами дверь, и поморщился от резкой боли. Пришлось несколько мгновений лежать неподвижно, прикрыв глаза. Кажется, он находится в мягкой постели, с кляпом во рту... и почти голый. Однако последнее меньше всего волновало Уоррика. Зачем трудиться одевать его, когда он может сделать это сам? Постель? Все лучше, чем подземелье.

И тут он ощутил свинцовую тяжесть в ногах и запястьях. Уоррик попытался шевельнуться, и сразу же послышался звон цепей. Господи, скован по рукам и ногам, как преступник! С какой целью? Если им нужен выкуп, значит, они знают, кого схватили, и рискуют навлечь на себя его кару, которая не заставит себя ждать. Однако воры и грабители хватили всех подряд, не обращая внимания на то, кто попадется им в лапы: рыцарь, горожанин, леди или базарная торговка, и если не получали требуемое, принимались пытать жертву. Однажды он захватил крепость, принадлежавшую феодалу-разбойнику, и, несмотря на свой жизненный опыт и твердость духа, был потрясен увиденным в подземной темнице: несчастные, тела которых медленно давили тяжелым жерновом, обнаженные узники с обгоревшими ногами, подвешенные за большие пальцы. Все пленники были мертвы, поскольку палачи просто-напросто поза-

были о своих жертвах, как только Уоррик осадил замок. А сейчас, судя по каменным стенам и высоким потолкам, его заточили не в убогой хижине и даже не в харчевне. Скорее всего какой-то мелочный лорд решил поживиться. Впрочем, что такой барон, что разбойник с большой дороги – все едино. Уоррик снова открыл глаза, преодолевая рвущую виски боль, поднял голову и увидел у изножья кровати ее. Должно быть, он умер и попал на небеса, ибо перед ним предстал один из ангелов Господних, несомненно, посланных по его душу.

Глава 7

Ровена все еще злобно смотрела на дверь, за которой скрылся Жильбер, когда раздался металлический лязг цепей. Девушка испуганно воззрилась на узника. Он не шевелился, не открывал глаз, но Ровена интуитивно почувствовала, что незнакомец пришел в себя. До сих пор она не приглядывалась к нему внимательно, лишь мельком отметила, как он огромен. Со своего места у изножья ей по-прежнему было трудно судить о его внешности, но тут мужчина поднял голову и пригвоздил Ровену к месту требовательным взглядом. У девушки перехватило дыхание.

В этих светло-серых, как расплавленное серебро, глазах светилось изумление. Несмотря на бесформенный кляп, можно было сразу увидеть, как он красив и... надменен.

Что заставило ее так считать? Высокие, чуть выдающиеся скулы? Орлиный нос? Квадратный подбородок, чуть выдвинутый вперед из-за кляпа? Нет, она, должно быть, ошибается. Высокомерие – черта, присущая людям благородного рождения. Спесивый раб рискует собственной шкурой.

Однако этот крепостной не отвел глаз и не засмутился в присутствии леди. Возможно, просто дерзкий негодяй или слишком потрясен, чтобы помнить свое место. И о чем только она думает! Разве кто-то способен признать в ней леди, ведь она полураздета! Ну конечно! Пусть на ней всего лишь сорочка, зато сшитая из тонкого полотна, мягкая и почти прозрачная, а накидка – из дорогого восточного бархата, сшитая и подаренная матерью в день четырнадцатилетия девушки.

Вероятно, Жильбер прав – это побочный сын какого-нибудь знатного лорда и чрезвычайно гордится этим обстоятельством. Но что ей, в сущности, до этого? Ему так или иначе придется умереть. Правда, сначала она должна отдать ему свою невинность...

О Боже! Хватит ли у нее сил? Безумная, она еще раздумывает, в то время как мама...

В эту минуту Ровене больше всего хотелось броситься на пол и зарыдать. Она росла, окруженная любовью и заботой, не зная о жестокости и тяготах повседневной жизни. И теперь ей было невыносимо трудно приспособливаться к чужому, враждебному окружающему миру. Жильбер заставляет ее силой взять этого человека. Но как? И хотя она в гневе бросила сводному брату, что не нуждается в помощи, на самом деле не знала ровно ничего о том, что происходит между мужчиной и женщиной.

Удивление в его взгляде сменилось восхищением. Хорошо ли это? Наверное, да. Он по крайней мере не находит ее отталкивающей. Ровена была рада и этой малости. Кроме того, незнакомец ни в чем не походил на ее мужа. Молод, красив, с гладкой кожей и упругим телом... нет, ничего общего с дряхлым старикашкой. Даже глаза были другого оттенка, чем у Лайонза!

И отчего-то казалось, что она обладает способностью читать его мысли. Вот и сейчас мужчина вопросительно смотрит на нее, словно хочет спросить что-то. Знает ли он, почему находится здесь? Скорее всего нет, ведь он только что пришел в себя. И к чему Жильберу распинаться перед человеком, уже приговоренным к смерти? Зато братец не преминул свалить на нее всю грязную работу. Какая мерзость! Но этот неотступный вопрос в глазах пленника...

Именно она должна признаться ему во всем и даже не сможет уверить несчастного, что его освободят, когда все будет кончено!

Ровена гневно стиснула кулаки. Этот человек не заслужил подобной участи. Невинная жертва чудовищных замыслов Жильбера! Она примет его семя, а Жильбер отнимет у бедняги жизнь! Ровена не должна этого допустить. Ради матери она исполнит желание брата, но сделает все, чтобы освободить этого человека, поможет сбежать, когда придет время.

Но этого она незнакомцу не поведаст. Не стоит обнадеживать его понапрасну. А вдруг ей не удастся открыть двери темницы? И ни к чему ему знать о том, какой жребий уготовил ему Жильбер. Блажен, кто верует.

Однако незнакомец продолжал разговаривать с ней взглядами, и она опять поняла его. Он скосил глаза сначала на кляп, потом на нее. Все ясно. Хочет, чтобы она вытащила кляп! Но это невозможно! Ровена не вынесет, если мужчина попросит отпустить его. И без того угрызения совести не дадут ей покоя. Пусть она стала невольной участницей недоброго дела, но что ей оставалось? Только вот слышать бесплодные мольбы, обращенные к ней, не могла.

Девушка медленно покачала головой, и незнакомец опустил ресницы. Не знай она, что перед ней простолюдин, подумала бы, что ее выгоняют из комнаты, как провинившуюся служанку. Может быть, он просто устал и решил отдохнуть?

Она подошла ближе, чтобы рассмотреть его получше, и обнаружила, что его веки плотно сомкнуты. Не желает иметь с ней ничего общего? Или просто не слышал шагов, ведь она не успела надеть туфли.

Ровена, затаив дыхание, принялась рассматривать пленника. Пожалуй, он даже выше Жильбера и, уж конечно, шире в плечах и груди. На руках, шее и торсе бугрятся мускулы, туго натягивая загорелую кожу. Очевидно, этот человек много и тяжело трудился. Возможно, он дровосек? Во всяком случае, дровосек в поместье отца мог одним пальцем переломить любого рыцаря.

Она неожиданно осознала, что уставилась на него с неприличным любопытством, но ничего не могла поделать с собой. Силен... как он силен и могуч! Она даже почувствовала нечто вроде благодарности к Жильберу за то, что догадался сковать этого великана, но тут же устыдилась собственных мыслей. Однако этот гигант сумеет легко отправить ее на тот свет одним движением руки, и лучше, если эти пальцы не дотянутся до нее.

– Прости меня, – начала она, удивляясь, почему говорит шепотом, хотя в комнате больше никого не было, – пожалуй, я честно объясню, зачем тебя привели сюда.

Пленник слегка повернул голову и посмотрел на Ровену. Сейчас в его глазах не было вопроса, не светилось любопытство. Терпение, поняла она, он набрался терпения и выжидает, небезосновательно считая, что имеет право получить ответ. Однако она не настолько храбра. Откроет лишь то, на что отважится, и ни словом больше.

Но теперь, когда решающий момент настал, девушка ощутила, как предательская краска ползет ото лба к шее.

– Я... вы... вы и я... мы... мы... придется...

Незнакомец чуть поднял брови, и не будь у него во рту кляпа, раздражение обязательно прорвалось бы. Ровена не могла осуждать этого человека. Трудно оставаться спокойным в таком положении. Но и у нее не хватило духу на то, чтобы произнести ужасные слова. Какой позор!

Ровена пыталась напомнить себе, что перед ней всего лишь раб, с которым нечего церемониться. Недаром мать всегда учила ее держать слуг в повиновении. Но он совершенно не похож на слугу. Слишком высокомерен, и она не могла отделаться от ощущения, что Жильбер напрасно принимает его за простолюдина. И хотя ее это не должно было касаться, почему-то на душе стало еще горше.

За дверью послышался шорох, и девушка испуганно встрепенулась, но тут же облегченно вздохнула. Должно быть, Милдред наконец пришла!

И, на мгновение позабыв о распростертом на постели пленнике, так и не дождавшемся ее объяснений, ринулась из комнаты.

Уоррик обессиленно обмяк, вне себя от злости и разочарования. Черт бы ее побрал! «Придется»... что именно? Неужели не могла договорить?!

Но он тут же вынудил себя успокоиться. Стоит ли осуждать это неземное создание, такое хрупкое и прелестное! В конце концов, не она притащила его сюда!

Однако он никак не мог взять в толк, почему она здесь. Может, хотела принести ему ужин? Правда, у нее в руках ничего не было, но, вероятно, она устала держать поднос и поставила его на пол? В таком случае почему девушка не вытащила кляп?! Как же он сможет жевать?

Вопросы, на которые никто не желает дать ответы. Спокойствие! Скоро он узнает, чего от него хотят, а тогда можно будет и поразмыслить, как отомстить тому, кто затеял это похищение. Виновный умрет страшной смертью. Недаром давным-давно, когда душа его увяла и умерла от тоски и отчаяния, он поклялся, что больше никто и никогда не посмеет оскорбить его или причинить зло, горько не поплатившись за это. И все шестнадцать долгих лет, половину своей жизни, он был верен обету. И не изменит ему до самой кончины.

Он снова вспомнил о прелестной крошке. Что же, по крайней мере лучше думать о ней, чем предаваться мрачным мыслям. Сначала он и вправду решил, что увидел ангела с нимбом золотых волос, сверкающих в сиянии свечей. К тому же она была во всем белом, и густые локоны, рассыпавшиеся по плечам, спускались до самых бедер.

На маленьком личике переливались синевой огромные глаза, круглые, печальные, умоляющие... в глубине которых скрывались бесчисленные тайны. Уоррик думал, что она безгрешна, пока не заметил в этих бездонных очах пламя ярости, возбудившее его любопытство гораздо сильнее, чем стремление узнать причину, по которой он оказался здесь. Как ни странно, его охватило безумное желание стать хранителем и защитником ангела. Уничтожить всякого, кто посмел ее обидеть.

Он жаждал дознаться, в чем причина ее гнева. И попытался заставить ее вытащить кляп. Отказ сначала удивил Уоррика, потом рассердил настолько, что он повел себя как капризный ребенок и перестал замечать девушку. Сейчас, оставшись один, он был просто потрясен собственным поведением. Эта малышка поистине обладает каким-то магическим воздействием на него!

Чуть позже он не выдержал и вновь уставился на нее. Говоря по правде, это доставляло ему немалое удовольствие. Скоро она придет, чтобы объяснить, почему его оставили здесь, и Уоррик вновь насладится прелестным видением. Вблизи она оказалась еще пленительнее. Безупречно белая, полупрозрачная, словно алебастр, кожа, полные манящие губки, изящная фигурка...

К величайшей досаде Уоррика, чресла его охватило пламенем желания. Не будь его рот заткнут, он разразился бы смехом! В его положении самое время думать о женщинах! Возможно, сумеет он избавиться от кляпа, соблазнил бы девушку и уговорил бы ее стать наездницей лихого жеребчика!

Но Уоррик тут же покачал головой. Он просто спятил! С чего ей соглашаться, когда он не более чем пленник, у которого даже нет одежды, не говоря о кошельке. Что он может ей посулить?!

Ничего, он скоро освободится и позаботится о девушке. Спалит это проклятое место дотла, так что ей понадобится новый дом. И тогда он предложит ей свой.

Уоррик на мгновение вспомнил об ожидавшей его невесте, но даже это не смутило его. Незнакомка все равно будет принадлежать ему!

Глава 8

– Теперь ты все знаешь, – удрученно прошептала Ровена, закончив невеселый рассказ о смерти мужа и встрече с человеком, предназначенным его заменить. – И Жильбер имел совесть заявить: либо через девять месяцев у меня появится ребенок, либо моей матери не жить.

– Не сомневаюсь, что он способен исполнить угрозу. Отродье дьявола! Исчадие ада! Хорошо еще, что он не пожелал остаться в комнате и наблюдать! Твой муж так и поступил бы, отдай он тебя своему слуге Джону, – вздохнула Милдред. – Как ни печально, придется тебе пройти через это.

Ровена заломила руки:

– Знаю, Милдред, но... как?!

Глаза камеристки недобро блеснули. Она на секунду зажмурилась и брезгливо скривила губы.

– Как же я глупа! Совсем забыла, что ты невинная милая овечка. Останься твой муж в живых, тебе ничего не пришлось бы самой делать, кроме как покорно лежать под ним! Но теперь тебе придется действовать самой, а тот, что находится там, ничем не поможет. Говоришь, ему рот заткнули? И лежит на спине?

– На спине, Милдред, и сомневаюсь, чтобы смог пошевелиться, – слишком туго натянуты цепи.

Милдред снова вздохнула:

– Я пытаюсь представить, как все будет... никогда не сидела верхом на мужчине, сама понимаешь! Да это просто неприлично!

– Жильбер, должно быть, считает, что это проще простого, поскольку бедняга связан, как пойманный вепрь, которого вот-вот насадят на вертел.

– Я не говорила, что это невозможно, – рассерженно фыркнула Милдред. – Какой позор! Такие разговоры подобают скорее судомойкам, чем благородной даме!

Служанка неудержимо покраснела. Лицо Ровены стало мертвенно-белым. Что же теперь делать? Ведь проклятый д'Амбре обязательно явится на рассвете, чтобы удостовериться, выполнен ли его приказ. Положение прямо-таки безвыходное!

– Кажется, я сообразила, как надо действовать, – объявила Милдред. – И скажу все без прикрас, чтобы поскорее покончить с этой мерзостью. Ты должна оседлать его бедра, вонзить наконечник копья в себя и пуститься вскачь. Сначала будет очень больно, но скоро все пройдет, и ты сможешь беспрепятственно двигаться. Представь себе, что пустила своего жеребца в галоп. Подскакиваешь... нет, не красней. Ты наверняка привыкнешь, как только устроишься поудобнее. Но помни, нужно постоянно двигаться, если хочешь, чтобы он отдал тебе свое семя. Если воображаешь, что достаточно посидеть несколько минут и все получится, жестоко ошибаешься. Придется хорошенько потрудиться! Ну как, сумеешь сделать все сама, или еще раз объяснить?

– Сумею... то есть... попробую.

Милдред крепко обняла девушку.

– Считай это просто неприятной работой, милая. Я бы присоветовала тебе кое-что другое, не будь этот парень чужаком. А теперь старайся твердить себе, что как только в твоём чреве зародится новая жизнь, ты больше никогда его не увидишь, так что он не стоит твоих мучений.

Но, несмотря на все уговоры, она готова сквозь землю провалиться!

Ровена, стора от смущения, вернулась в каморку и едва открыла дверь, как пленник тотчас устремил на нее взор. На этот раз в глазах его промелькнул явный интерес, но Ровена ничем не выдала себя.

Неприятная работа, как всякая другая? Ну что же, главное – поскорее с ней покончить.

Девушка приблизилась к кровати и, заикаясь, попыталась открыть незнакомцу неприглядную истину:

– Мне нужен ребенок, и зачать его необходимо как можно быстрее. К сожалению, именно вам выпало мне в этом помочь. Вас выбрали из-за цвета волос и глаз, такого же, как у моего покойного мужа. Дитя должно хоть немного походить на него. Поэтому нам придется... быть вместе сегодняшнюю ночь и все последующие, пока ваше семя не укоренится в моем чреве. Поверьте, мне это отвратительно не менее, чем вам, но обстоятельства сильнее нас.

Цепи громко зазвенели, но Ровена не смела поднять глаза на пленника. Неизвестно откуда у нее взялось мужество шагнуть ближе и рывком сдернуть с него набедренную повязку. Ткань с тихим шорохом упала на пол. Взгляд Ровены был прикован к его мужской плоти, покоившейся в гнезде из золотистых завитков. Да, это поистине чудовищное оружие, о котором она слышала столько всяких историй!

Из груди пленника вырвалось глухое звериное рычание, и девушка отпрянула, с испугом глядя на него. Какие выразительные глаза! Слишком выразительные... и без слов обещающие жестокое отмщение, если она не отступится от задуманного.

Ровена зябко повела плечами. Ей еще не приходилось сталкиваться с подобной яростью. На такое она не рассчитывала. Большинство мужчин отнюдь не возражали бы против предложенного дарового удовольствия. Они брали женщин, не заботясь, принесет ли плоды еще одно поспешное соитие, а потом уходили и зачастую навсегда. Что им еще одно невинное дитя? Так поступали не одни знатные и богатые, но и бедные простолюдины, только последние чаще всего не ведали, кто настоящий отец младенца, поскольку служанки и деревенские девчонки считались легкой добычей и ложились под каждого, кому придет охота задрать им юбки. Пойманные на месте преступления мужчины были вынуждены немедленно жениться.

Может, и он вообразил, что теперь придется идти к алтарю? Или не выносит, когда женщина оказывается наверху? Милдред назвала такой способ неприличным; наверное, он того же мнения. Но что поделать, все равно уже ничем не поможешь.

– Жаль, что вы против, но это ничего не изменит, – горько вздохнула она. – Я вынуждена на это пойти. Но постараюсь сделать все как можно быстрее, чтобы не мучить вас.

Глаза незнакомца яростно вспыхнули, словно она несла несусветную чушь. Досадно, что ей не удастся с такой же легкостью читать его мысли. Ровене так хотелось, чтобы он хоть немного упростил ей задачу, но зачем это ему? Должно быть, он, как и она, чувствует себя последним ничтожеством, которого используют без зазрения совести. Что же, больше она не станет на него смотреть. Главное – покончить со всем, и без всяких промедлений.

Собравшись с духом, Ровена вскарабкалась на край кровати, но она внезапно затряслась с такой силой, что девушка слетела на пол. И долго пыталась отдышаться, недоумевая, что произошло. Но услышав затихающий звон цепей, поняла: пленник взбешен и старается выгнать ее из комнаты.

Ровене хотелось закричать, осыпать его проклятиями, но вместо этого она кое-как поднялась и пронзила его мрачным взглядом.

– Я все равно соединюсь с тобой! Понятно?! Так нужно!

Она вновь приблизилась к кровати, готовая встретить его бешеное сопротивление, но, случайно увидев, что он вытворяет, замерла как вкопанная. Огромное тело извивалось, металось, билось, и вынести это устрашающее зрелище было невозможно. Казалось, что кровать вот-вот переломится. Ровена потеряла равновесие и едва не свалилась снова, но успела податься вперед и рухнула как раз ему на бедра.

Пленник мгновенно замер. Ровена испугалась, что причинила ему боль, и тотчас приподнялась, собираясь взглянуть, в чем дело. Его естество вроде бы не пострадало, но она впервые увидела кровь на его запястьях и щиколотках, растертых кандалами в порыве безумного гнева.

– Глупец! – прошипела Ровена. – Зачем терзать себя из-за того, над чем не властен?

Ответом послужил угрожающий рев. Но, воспользовавшись тем, что мужчина по-прежнему оставался недвижим, Ровена поспешно оседлала его и торжествующе улыбнулась. Пусть теперь попробует сбросить ее! Но он просто наблюдал за ней с убийственным презрением.

Уоррику доселе не доводилось испытывать подобного бешенства. Она намеревается украсть у него дитя! Его дитя! И если добьется этого, ей не жить! Нет, это слишком легкое наказание! Черта с два! Прежде он заставит ее пройти через все муки ада!

Девушка чуть приподняла сорочку и заерзала, устраиваясь поудобнее. Почему-то ее нежелание раздеться разъярило его еще больше. Она заявляет, что похитит его семя, но даже не потрудилась обнажить свое соблазнительное тело! Прекрасно! Скоро ей предстоит узнать, что все ее старания обречены на неудачу!

Уоррик поспешно опустил веки, чтобы не смотреть на эту прелестную дьяволицу. Он весь кипел. Упивался своим гневом и желал в эту минуту лишь одного: добраться до нее и избить до полусмерти. Она смеет проделывать такое, и с кем! С ним, могучим воином, знатным рыцарем! Подумать только, он принял ее обещание изнасиловать его без посторонней помощи за грубую шутку! Уже за одно это негодяйка заслуживает суровой кары, но отнять плоть от плоти его! Последнее и решило ее участь. Ей не жить!

Кроме того, она еще и глупа, если считает, что способна изнасиловать мужчину! Держи она рот на замке и предложи ему себя, наверняка получила бы все, чего добивалась. Один взгляд на этот лакомый кусочек, и он не устоял бы против зова плоти. Но теперь ему даже не приходилось бороться с собой: обычно могучее орудие оставалось вялым и безжизненным.

Следуя советам Милдред, Ровена не собиралась восседать на незнакомце и дожидаться чуда. Ее проворные пальчики принялись стискивать и мять его плоть, и Уоррик невольно удивился – таких ласк от женщин он еще не вкушал. Но сообразив, что девчонка что было сил вбирает его мягкую плоть в себя, Уоррик потрясенно вытаращил глаза. Зато ее собственные оставались закрытыми, губа была закушена до крови, а лоб сосредоточенно наморщен. Уоррик дернулся, когда девушка задела его ноготком, однако она, похоже, этого даже не заметила. Интересно, сколько еще она провозится, пытаясь совершить невозможное?

Оказалось, недолго. Огорченно всхлипнув, девушка сползла с кровати и почти побежала к двери. Кажется, она сдалась!

Если бы не кляп, Уоррик завопил бы от переполнявшего душу удовлетворения. Подумать только, как легко было отделаться от нее! Он победил! Она проиграла.

Но он ошибся. Женщина вернулась.

Честно говоря, он не думал, что она отважится на такое. Щеки незнакомки пылали как маков цвет, но в лице и походке читалась такая неукротимая решимость, что Уоррик поневоле насторожился. И не зря. Незнакомка медленно сбросила на пол накидку и потянулась к подолу сорочки. Уоррик моментально зажмурился. Но в ушах зазвенел нежный голос:

– Сопровствляйся сколько угодно, любезный, теперь я точно узнала, что это ни к чему не приведет.

Уоррик не ответил бы, даже если бы мог, но с удовольствием перерезал бы горло тому, кто минуту назад придал ей мужества продолжать издевательства. Он наострил уши, чтобы слышать шаги, но почувствовал лишь легкое прикосновение маленькой ручки к своей груди.

– Ты, должно быть, уже догадался, что я девственна.

Уоррик не знал этого, но волшебное слово произвело на него желаемое воздействие. Сначала он даже не понял, в чем дело, но нежные пальчики скользнули к его животу. Оставалось надеяться, что злоба и ненависть помешают ей достигнуть цели, но женщина продолжала говорить, и Уоррик поддался сладкоголосому пению этой сирены.

– В своем глубочайшем невежестве я даже не предполагала, что ты не готов для меня и нуждаешься в определенном рода... ободрении. Подумать только, что твоя мягкая плоть вырастет и нальется силой в моих руках!

Она немедленно исполнила обещание и удивленно воскликнула:

– Невероятно, но этот странный отросток уже не умещается в моей ладони! Правда, Милдред заверила меня, что так и будет! Хотелось бы посмотреть, что произойдет дальше!

Да ведает ли она, как неотразимо действует на него ее болтовня? Разрази гром и эту шлюху, и ее советчиков!

На лбу Уоррика выступили крупные капли пота. Он устоит перед обольщением!

– Я должна целовать тебя и... и лизать... особенно там, если ничто другое не поможет. Милдред говорит, что лишь мертвый не отзовется на такие ласки.

Эта чертова Милдред права: он уже горит желанием. Разум твердил, что этих баб надо бы придушить, но худшего предателя, чем плоть, не найти, а плоть не слушалась никаких доводов рассудка. Уоррик напрягал руки и ноги в бесплодном стремлении освободиться от уз, делал все возможное, чтобы сбросить ее руку, но она стояла как скала, всем своим видом показывая, что больше не попадет на удочку. Пальцы снова обхватили восставший жезл, и Уоррик затих, поняв, что своими действиями невольно способствует ее затее.

– Просто глазам своим не верю! – с благоговейным ужасом повторила она, продолжая ласкать ничтожный придаток, повиновавшийся не хозяину, а чужой руке! Ей и в голову не приходило, что его достоинство еще не вздыбилось в полную мощь, что Уоррик по-прежнему борется каждой частичкой своего существа.

– Думаю, целовать тебя ни к чему – и так все получилось!

Кажется, она разочарована? О Господи, он не вынесет этого! То, что еще несколько минут назад казалось нереальным, теперь стало явью! И если она продолжит начатое... конечно, продолжит, почему бы нет?!

Ровена взобралась на постель, и мужчина снова забился, но она успела схватить его за ноги и прижалась всем телом. Он ощущал исходившее от нее тепло, чувствовал прикосновение налитых грудок, и с каждым мгновением проклятый предатель набухал все больше и больше. Поэтому Уоррик стал лихорадочно молиться, чтобы она не соврала и действительно была девственницей, достаточно неопытной, чтобы ее планы потерпели крах.

Женщина распласталась на нем, все еще крепко держась за его бедра на случай, если он попытается снова ее сбросить. Уоррик тихо застонал. Но было поздно: она успела надежно усесться, и он тверд как сталь. Оставалось совсем немного...

Жар. Обжигающий жар и влага. Почему ее расселина не оказалась сухой и неподатливой? Почему?..

Тихий плач пронзил его, как пикой, хотя этого следовало бы ожидать. Она все еще не сумела вобрать его целиком, и все старания вызывали новую боль. Безумное дикое удовлетворение захлестнуло Уоррика. Значит, она в самом деле невинна, и страдания скоро побудят ее отказаться от гнусной затеи.

Разумеется, один мощный выпад, и с ее невинностью будет покончено, однако он остался недвижим. Правда, ее грот был таким маленьким и восхитительно тесным, что желание вонзиться в нее становилось почти непереносимым, но он быстро задушил его. Пусть подлого предателя ничем не усмирить, но остальные части тела пока ему повинуются.

Уоррик снова услышал горестный вскрик, на этот раз более громкий, и открыл глаза, чтобы насладиться ее муками. Слезы струились по бледным щекам, сапфировые затуманенные глаза, полные боли, смотрели куда-то вдаль. Но Уоррик совершенно забыл, что она совсем голая.

Такая изящная, миниатюрная, однако прекрасно сложена, с упругими полными холмиками и узенькой талией. Прикосновение ее бедер, трепет великолепных грудей, ощущение теплых глубин, вместивших лишь половину его естества, но сжимавших его, подобно тугим ножнам, было последней каплей. Уоррик не выдержал. Кровь прилила к сердцу и к той части тела, которая не слушалась ни доводов рассудка, ни угроз, и восставший стержень легко про-

бил последний барьер, отделявший девушку от женщины, хотя его владелец по-прежнему не шевельнулся.

Ровена жалобно вскрикнула и обмякла, приняв грозный меч до самой рукояти. Уоррик стиснул зубами кляп, напряг мышцы, но оставался на месте, пытаясь превозмочь безумные порывы. Он истово молился, чтобы Господь лишил его мужской силы. Уоррик никогда не сопротивлялся чему-либо с такой страстью, никогда так горячо не хотел чего-то, противного воле и разуму.

Женщина стала двигаться, сначала нерешительно, неуклюже. Боль все еще не отпускала ее, слезы лились ручьем, но губы были упрямо сжаты. Она так тяжело дышала, что легкий ветерок шевелил волосы на его торсе, добавляя новые мучения к уже испытываемым. И Уоррик понял, что потерпел поражение. Он в последний раз попытался скинуть ее, почти радуясь боли в руках и ногах, но она все знала, черт возьми, и вцепилась в него как репей. А через минуту и ему стало все равно. Уоррик словно обезумел, ведомый примитивным первобытным инстинктом, и со стоном отдал ей свое семя, чувствуя при этом лишь небывалое, невероятное, ослепительное облегчение.

Будь она проклята, проклята, проклята!

Глава 9

– Я рада, что это был ты.

Уоррик никогда не забудет этих слов и не простит. В последующие дни, лежа на постели и гремя кандалами, он вспоминал их снова и снова.

Когда все было кончено, она без сил рухнула на него, заливаясь слезами. Женщина явно не получила никакого удовольствия от их соития, зато добилась чего хотела. И прежде чем покинуть комнату, нежно коснулась его щеки и прошептала:

– Я рада, что это был ты.

После этого его ненависть разлилась, словно река в половодье.

Вскоре в каморку скользнула ее служанка, чтобы смазать и перевязать раны. Немолодая женщина сокрушенно поцокала языком, но бережно смыла кровь и позаботилась о незажившем рубце на затылке. Уоррик позволил ей хлопотать над ним. Потрясенный и опустошенный своей неудачей, он уже не интересовался, что с ним будет. И даже не взглянул на мужчину, явившегося, чтобы полюбоваться еще не засохшим на его чреслах семенем.

– Она сказала, что ты посмел противиться ей. Мне стоило бы прикончить тебя за то, что ты украл у нее!

Он повернулся и вышел. Больше Уоррик его не видел, но неосторожно брошенная фраза многое открыла. Теперь Уоррик знал – в живых его не оставят. Его похитили не из-за выкупа. Им нужно дитя, которое, вероятно, уже зародилось в чреве девушки. Кроме того, он понял, что мужчина ревнует и с радостью покончит с соперником, когда надобность в нем отпадет.

Однако он по-прежнему оставался равнодушен к своей участи. И даже не испытывал стыда и унижения, когда Милдред кормила его, умывала и помогала облегчиться прямо тут, на постели. Уоррик не проронил ни слова, когда она перед кормлением вынула кляп. Вялость и апатия владели им до той минуты, пока в комнате вновь не появилась девушка. Только тогда он понял, что, должно быть, снова настала ночь. В каморке не было окон, и он представления не имел, какое сейчас время суток. Но миг ожил. Ярость доводила его до безумия. Уоррик принялся рваться с такой злобой, что повязки сползли, а оковы врезались в истерзанное тело.

На сей раз незнакомка была бесконечно терпелива. Она не коснулась Уоррика, пока тот не обессилел окончательно. И легла в кровать, лишь убедившись, что он почти готов принять ее.

На вторую ночь она навещала его трижды, будила и принуждала к слиянию. Каждый раз это занимало все больше времени, поскольку он уже утолил телесный голод и плоть не восставала с прежней быстротой. Однако Уоррик не останавливал девушку. Она бесстыдно ласкала его и гладила повсюду, особенно между ногами.

По-видимому, негодница была зачарована его мужским достоинством: то и дело приближала к нему губы, пристально разглядывала, но ни разу не исполнила обещанное, ибо это оказалось ненужным. И Уоррик не смог ничему помешать, не сумел остановить ее, не нашел сил вселить в эту дьяволицу страх перед грядущей карой. Она беспардонно использовала его, изнуряла, высасывала жизненную мощь, не выказывая никакого раскаяния. Да в ней действительно нет ни капли милосердия!

Небо... Как он жаждет мести! Это все, о чем он мечтал на третий день. Что он сотворит с негодяйкой, если когда-нибудь доберется до нее! Только подумать, что, впервые увидев эту тварь, он решил поселить ее в своем доме! Да, она найдет подходящий приют – в его подзелье! Но сначала он оплатит ей той же монетой. Нет, прежде нужно обдумать, как сбежать!

– Скажи, как ее зовут.

Он впервые заговорил с Милдред. Та подозрительно уставилась на него. Ложка с густым бараньим жарким замерла у губ пленника.

– Зачем тебе это знать?

– Мои люди найдут меня, мистрис. Хочешь остаться в живых, когда от этого замка не будет камня на камне, лучше говори правду.

У женщины хватило дерзости громко фыркнуть:

– Что-то никто не видел твоих людей, когда тебя схватили!

– В ту минуту рядом был только мой оруженосец Джеффри. Знаешь ли ты, что они безжалостно его убили?

Его голос звенел таким ледяным холодом, что Милдред неожиданно испугалась этого человека. Пусть и скованный, он был безмерно опасен. Но тут же упрекнула себя в излишней трусости и презрительно бросила:

– Рыцарь?! Но их послали за селянином. Думаешь, они не отличили бы благородного человека от простолюдина?!

Он не попытался переубедить ее и сказал только:

– Я выслал своих воинов вперед и должен был присоединиться к ним на следующее утро. Неужели они, по-твоему, уедут, не дождавшись меня?

– Вижу, ты горазд небылицы плести, любезный, но что тебе это даст?

– Освободи меня.

– А, вот куда ты клонишь, – ухмыльнулась Милдред. – Но со мной такие штуки не пройдут. Даже будь у меня ключ, я бы не отомкнула кандалы, пока моя госпожа не получит от тебя желаемое.

Она не добавила, что Ровена уже просила ее раздобыть ключи. Но пока ей это не удалось, не стоит тешить его пустыми надеждами.

На сей раз кормление затянулось, потому что узник никак не желал успокоиться. Красные вмятины, оставленные кляпом, исчезли, и Милдред, впервые разглядев как следует его лицо, вздрогнула от испуга.

– Господи милостивый, да какой же у тебя вид зверский, – охнула она. – До сих пор я не замечала...

Она могла бы и не говорить этого. Уоррику и без того было все известно. Именно потому первые жены так его страшились. Именно потому проклятой девчонке следовало бы держаться подальше. Редкий человек мог вынести взгляд этих глаз, в которых как в зеркале отражались его черные мысли, а жесткие, всегда плотно сжатые губы не часто трогала улыбка. В эту минуту Уоррик был поистине ужасен, особенно еще и потому, что Милдред отказалась помочь, а иного выхода он не видел.

– Хорошо бы тебе усвоить, что...

Милдред сунула ему в рот кляп и негодуя объявила:

– Твои угрозы меня не трогают, любезный! Я подчиняюсь только своей госпоже, а не таким, как ты! Неудивительно, что каждую ночь она приходит от тебя сама не своя. Не мешало бы тебе обращаться с ней помягче, ведь она является сюда не по своей воле! Но ты так же груб и жесток в душе, как и лицом.

Когда же он сможет наконец насладиться местью?!

Бешенство Уоррика не знало границ. Неужели он должен испытывать жалость к женщине, которая каждую ночь хладнокровно его насилует?! Преисполниться сочувствия к гадине, собиравшейся украсть у него ребенка? Да ведь она радовалась, что именно он и никто другой попал в ее сети?! Но почему? Отчего она не страшится его, подобно другим женщинам? Уоррика боялись с того дня, когда ему исполнилось шестнадцать. Тогда он потерял все: дом, семью, друзей, чудом оставшись в живых. И был вынужден выполнить нерушимые условия брачного договора. Те дни полностью изменили не только его характер, но и внешность, тьма, царившая в сердце, легла и на лицо.

С той поры женщины, перебивавшие в его постели, сначала боялись, что он обязательно причинит им боль, подвергнет издевательствам. Даже после второго или третьего раза ему все еще не доверяли, опасаясь жестокости и бесчеловечности. Его жены... Застенчивые скромные серые мышки так и не сумели преодолеть боязни, хотя он ни разу не дал им повода посчитать, будто он способен на насилие. Но обе умерли много лет назад. И жили с ним в те годы, когда он мечтал лишь о возмездии, а в крови горела жажда убийства и разрушения... совсем как сейчас.

Так чему она радуется? Тому, что он связан и не может ее коснуться? Тому, что знает – он будет мертв прежде, чем с него снимут цепи, и потому ей нечего трепетать? Вероятнее всего, его прирежут в этой постели, не дав возможности защищаться.

Уоррик не страшился смерти. Когда-то он даже искал ее: жизнь казалась настолько пустой и никчемной, что Уоррику было безразлично, жив он или мертв. Судьба не слишком баловала его, но было бы жаль погибнуть сейчас, не дождавшись от леди Изабеллы здоровых сыновей. И еще он сожалел о том, что так и не сумеет воздать должное за причиненное ему зло. Он отправится на тот свет, а враги будут торжествовать победу! Сама мысль об этом была невыносима!

Но назавтра, к невероятному изумлению Уоррика, Милдред принесла не еду, а узелок с одеждой и ключи от оков. И судя по ее словам, явилась по настоянию госпожи.

– Повезло вам, любезный, что я ухитрилась ключи разыскать! Госпожа желает, чтобы духу вашего тут не было, а сейчас самое время выпроводить вас, пока никто не хватился. Хорошо еще, что брат ее милости отправился в город набирать наемников.

Она деловито вытащила кляп, продолжая бормотать:

– Постараюсь убедить его, что ваше семя укоренилось, но все-таки советую убраться подальше. Как бы он не пустился за вами в погоню!

Брат?

Уоррик припомнил перекошенное злобой и ревностью лицо мужчины.

– Готов поклясться, они не кровные родственники.

– Правда ваша, они сводные брат и сестра, слава Пресвятой Богородице! – кивнула Милдред, не глядя на него и торопливо отмыкая кандалы.

– А если мое семя не прижилось? Кто-нибудь другой займет мое место в это проклятой постели?

– Это не должно интересовать вас, любезный.

– В таком случае растолкуйте хотя бы, зачем ей так нужен ребенок? Именно мое дитя? Неужели леди Ровена ничего ему не сказала? Что же, какое до этого дело служанке!

Милдред безразлично пожала плечами:

– Зачем же еще, как не для того, чтобы сохранить это поместье? Она вышла замуж за старого лорда, владельца Керкборо, но беднягу угораздило протянуть ноги в день свадьбы, незадолго до того, как вас захватили в плен. Ребенок станет новым наследником.

Жадность. Да, так он и предполагал. Керкборо – богатое поместье, с целым городом в придачу. Уоррик не попросился на ночлег в замке, поскольку не хотел видеть его владельца и объяснять причины своего появления. Кроме того, эскорт из тридцати вооруженных людей вызвал бы ненужный переполох. Именно поэтому он и выслал их вперед. В ту ночь он нуждался лишь в мягкой постели и теплой воде для купания. И совсем не рассчитывал на алчную девицу, вздумавшую любой ценой прибрать к рукам богатство старика.

Едва последняя цепь с грохотом свалилась на пол, Милдред поспешно отступила. Уоррик осторожно опустил онемевшие руки, скрипя зубами от боли в затекших мышцах. Челюсти тоже нестерпимо ныли, даже теперь, когда во рту больше не было кляпа. Уоррик, не дожидаясь, пока конечности немного отойдут, принялся торопливо одеваться. Камиза⁴ была сшита из

⁴ Камиза – нижняя рубаха из домотканной материи, которую носили крестьяне и знать.

невероятно грубой и толстой ряднины, которую носили обычно самые низкие рабы. Хорошо еще, что она оказалась ему впору, хоть и была немного коротка.

Также в узелке лежали еще толстые шерстяные, побитые молью гамаши, не доходившие до щиколоток. Полотняная обувь на деревянной подошве тоже была в самый раз. Вместо пояса пришлось довольствоваться тонким кожаным ремешком.

Уоррик и не собирался высказывать свое недовольство омерзительными лохмотьями. На уме у него было совсем иное:

– Где она?!

– Нет! – взвизгнула Милдред, рванувшись к двери. – Попробуй хоть пальцем ее тронуть, и я подниму шум.

– Я всего лишь хотел поговорить с ней.

– Врешь, братец, по глазам вижу! Она умоляла меня помочь тебе скрыться, не желая, чтобы твоя гибель лежала на ее совести, но видеться с тобой не собирается. Попробуй только сунуть сюда нос, и лорд Жильбер прирежет тебя, как свинью. А сейчас убирайся вон, и чтобы ноги твоей больше здесь не было!

Уоррик долго пристально смотрел на служанку. Желание придушить девку, решившую, что можно безнаказанно его оскорблять, боролось в нем с жадой свободы. Но неизвестно, сколько человек набросится на него, если Милдред позовет на помощь. Это и решило дело.

– Хорошо, но мне нужны мои меч и конь.

– Да ты спятил! – прошипела Милдред. – Убирайся в чем стоишь, чтобы не привлечь ничего внимания! Те, кто захватил тебя в плен, наверняка прибрали к рукам все твое имущество. Ну а теперь беги! Я проведу тебя потерной⁵. И без того времени не осталось.

Уоррик последовал за женщиной, стараясь подмечать все попадавшееся ему на пути. Поняв, как мало рыцарей осталось защищать крепость, он почти пожалел, что решил уйти. Стены были достаточно крепкими и толстыми, только вот оборонять их было некому. Неудивительно, что ее брат спешит нанять войско. Керкборо можно взять за несколько часов, и Уоррик вернется сюда меньше чем через неделю, чтобы это доказать.

⁵ Потерна – подземный ход из крепости.

Глава 10

– Все сделано.

– Знаю, – глухо обронила Ровена, отворачиваясь от окна. – Я видела, как он исчез вон в той роще.

– У меня дурные предчувствия, – сокрушенно вздохнула Милдред. – Наверное, стоило бы обождать еще немного.

– Ни за что! Жильбер все твердит, что не уедет отсюда, пока не удостоверится, что я беременна. Он намеревается препоручить осаду Тьюэrsa своим рыцарям, и раз неизвестно, сколько она продлится, он там пока ни к чему. Сегодня он впервые покинул замок, не говоря уже о том, что решил отправиться в город! Что, если другого случая не представится? А ведь он следит за нами, словно коршун за добычей, и даже слугам запрещено показываться здесь. Ну как он заметил бы, что этот увалень выбирается отсюда?

– Но когда лорд Жильбер спит...

– Тогда все ворота крепко-накрепко заперты, а на страже стоят его люди. Ты сама понимаешь, что более подходящего момента не сыскать! Представляешь, что началось бы, если бы нас поймали!

– А вдруг вам не удалось добиться цели? – выпалила Милдред.

Ровена вздрогнула, хотя в спальне было тепло.

– Я... я не смогла бы еще раз отважиться на такое, будь он даже по-прежнему здесь. И уже говорила тебе, что прошлая ночь – последняя. Никогда больше.

– Да, ягнечек мой. Я знаю, как тяжело вам пришлось.

– Тяжело? – хрипло рассмеялась Ровена. – Это грех, ужасный грех! Сколько зла я причинила этому человеку! Не пора ли остановиться! Довольно и того, что для начала мне пришлось подчиниться всем приказам Жильбера! Но потом я убедила его остаться в стороне, наговорив, что его присутствие слишком беспокоит пленника, и все-таки продолжала свое черное дело, хотя могла бы и не возвращаться в ту каморку. Как я виню себя! Если бы только я нашла время подумать...

– Но почему вы корите себя? – удивилась Милдред. – Именно ему досталось все наслаждение. А вам пришлось испытать только стыд и боль.

– Ничего подобного, Милдред! Невозможно наслаждаться тем, что ненавидишь! Он каждый раз сопротивлялся и ранил себя лишь затем, чтобы я поскорее ушла. Он презирал себя, презирал меня и позаботился о том, чтобы я все поняла. Эти глаза...

Ее снова передернуло.

– Я просто не нашла бы сил проделать это еще раз. Не могла принуждать его, даже если бы от того зависела моя собственная жизнь.

– Но если ваш план не удастся?

– Все будет хорошо. Жильбер не узнает о побеге и станет пребывать в полной уверенности, что я каждую ночь навещаю узника. Только удостоверившись, точно наступила беременность или нет, я сама признаюсь Жильберу, что отпустила незнакомца. Он и пальцем ко мне не притронется из страха навредить ребенку. В конце концов совершенно не важно, жив ли этот человек или погиб. Жильбер сам сказал, что никто не поверит крепостному, посмевавшему предъявить права на младенца. Так что это меньше всего меня беспокоит.

– Все бы ничего, да только я не уверена, что он крепостной, – нехотя заметила Милдред.

– Тебе тоже показалось, что он слишком горд и высокомерен?

– И к тому же распространялся насчет оруженосца, которого будто бы убили люди лорда Жильбера.

– Господи прости, еще одна причина ненавидеть меня, – вздохнула Ровена. – Значит, он из безземельных рыцарей. Что, если вздумает рассказывать всем о том, что здесь было?

– Ну уж нет! – уверенно возразила Милдред.

– В таком случае нечего и тревожиться о том, что поползут слухи, если, конечно, ребенок в самом деле родится. Но как бы то ни было, необходимо убедить Жильбера, что я беременна. Пусть убирается на войну сражаться с этим чудовищем Фокхерстом, может быть, нам повезет и они друг друга прикончат. А едва он уедет, мы последуем за ним. Я знаю, как раздобыть денег. Продам свою одежду. Городские торговцы дадут хорошую цену за каждое платье. Ну а потом найдем эскорт, заберем маму из Амбре и отправимся во Францию ко двору короля Генриха.

– Лорду Жильберу придется не по вкусу такая потеря! Сразу и Керкборо, и вы!

– Можно подумать, мне есть до него дело, – почти прорычала Ровена. – После всего, что он сотворил, я молюсь лишь о том, чтобы Господь его покарал.

Кажется, Всевышний услышал ее, потому что Жильбер долго не возвращался из городка, где отыскал трех закаленных в боях воинов и еще четырех, которых можно было быстро натаскать. Когда же он наконец явился домой, запыхавшийся гонец передал некое сообщение, после чего Жильбер взревел, как раненый зверь, и принялся в ярости метаться по залу. Ровена, сидя за шитьем у очага, с едва заметной улыбкой наблюдала, как бесится брат. Он позволял ей спускаться в парадный зал на несколько часов, чтобы слуги могли привыкнуть к ней. На все расспросы о здоровье господина девушка покорно отвечала, что Годвину легче, но он по-прежнему прикован к постели. Она упорно отказывалась от помощи и настаивала на том, что будет сама ухаживать за мужем, словом, твердила все, чему ее научил Жильбер. Пусть считают, что Лайонз не настолько болен, чтобы не выполнять супружеские обязанности! Позже Жильбер всем объявит, что лорду внезапно стало хуже и он скончался.

Сводный брат, став почти фиолетовым от злости, рвал и метал: сыпал проклятиями и швырял оземь кубки. Испуганные слуги ринулись прочь из зала, боясь попасть под горячую руку. Что стряслось? Неужели Жильбер обнаружил побег незнакомца? Вряд ли! Пленник не так глуп, чтобы попасться снова! Кроме того, братец не появлялся наверху с самой первой ночи. Нет, его терзает что-то другое.

Заметив сестру, Жильбер постарался взять себя в руки. Он отдышался и медленно направился в тот угол, где сидела Ровена. Девушка затаила дыхание, смертельно боясь, что он снова принудит ее к какому-то неслыханно мерзкому деянию. Но, услышав его речи, едва не рассмеялась и скорее поджала губы из опасения, что он ударит ее.

– Не пойму, откуда Фокхерст пронюхал, что Керкборо тоже принадлежит мне, но так или иначе, он идет сюда! Должно быть, продал душу дьяволу, проклятый негодяй! Не знает ни сна, ни покоя! Все стремится разорить меня!

– Но ты сам говорил, что он сейчас в Тьюэрсе.

– Был там, но, наверное, кто-то успел его предупредить о грозящей осаде, потому что он снялся с места, собрал целую армию из пятисот человек и направляется сюда под своим знаменем с огнедышащим драконом.

– В таком случае почему же он немедленно не отправился под Тьюэрс, чтобы сразиться с твоими наемниками?

– Не будь дурочкой, Ровена, – нетерпеливо рявкнул Жильбер. – Замок Тьюэрс – настоящая твердыня, и люди, оставленные там Фокхерстом, могут защищать его много месяцев. Ему нет нужды самому спешить туда, особенно если он проведал, что со мной здесь всего горстка храбрецов. И если ему удастся захватить меня, он может потребовать, чтобы я распустил свое войско.

– Или попросту убьет тебя, – подсказала Ровена.

Жильбер разъяренно уставился на сестру, но та с удовольствием отметила, как неестественно побледнела его физиономия.

– Уверен, что это именно он? – осведомилась она. – Тьюэрс в двух днях пути отсюда.

– Любой и каждый узнает его герб и этого проклятого огненного дракона на черном поле! Это он и будет здесь не более чем через два часа, поэтому я должен срочно уезжать.

– А что станет со мной?

– Он так или иначе возьмет крепость, буду я здесь или нет. Недаром поклялся захватить все, что принадлежит д'Амбре, за то что отец посмел напасть на Дервуд. Черт возьми, ну почему эта скотина не может угомониться, узнав о его смерти?

Ровена не сочла нужным ответить еще и потому, что не совсем понимала всеобъемлющую жажду отмщения, которой пылал Фокхерст. Но девушку совершенно не тревожило ни ожидаемое появление лорда Фокхерста, ни очевидное намерение Жильбера бросить ее на произвол судьбы. Она рада насолить сводному брату любым способом!

– Поведешь с ним переговоры относительно собственной участи, – наставлял Жильбер. – Фокхерст не причинит тебе зла. В прошлом году он захватил другую мою подопечную, леди Эвис, и не потребовал выкупа, настоял только, чтобы она принесла клятву верности. Если потребует этого и от тебя, не возражай. Я вернусь с войском через три дня, разобью его и постараюсь покончить с ним раз и навсегда. Это, пожалуй, даже лучше, чем осадить Тьюэрс, поскольку Керкборо не так хорошо укреплен. И теперь у меня есть деньги, чтобы нанять втрое больше народа, чем у него. Не волнуйся, Ровена, ты скоро вернешься ко мне.

И, сжав ее в объятиях, завладел губами в поцелуе, который никак нельзя было назвать братским. Ровена потрясенно отпрянула и брезгливо поморщилась. До этой минуты она и понятия не имела, что Жильбер желает ее как женщину.

Глава 11

Только после отъезда Жильбера Ровена поняла, что она и мать на время спасены от его гнева. Он так спешил убраться, что совсем забыл о прикованном наверху узнике. Но, будь незнакомец по-прежнему в спальне, ей пришлось бы долго объяснять захватчикам, как он появился здесь.

Впрочем, ей недосуг было беспокоиться о таких мелочах. Она и не думала выполнять приказы Жильбера еще и потому, что сама собиралась покинуть замок как можно скорее. Но почти сразу же обнаружилось, что мерзавец захватил с собой всех рыцарей и не оставил в конюшне ни одной лошади.

Ровена решила было спрятаться в городе. Пусть неприятель увидит, что ворота открыты, а в замке нет никого, кроме слуг. Но такому человеку, как Фокхерст, помешанному на насилии и возмездии, ничего не стоит сжечь Керкборо в поисках Жильбера или новой хозяйки поместья. Скрываться в лесу тоже не имеет смысла. Одна, без денег и коня Ровена не сумеет выручить мать прежде, чем Жильбер обнаружит, что она наделала.

На этот раз приходилось следовать наставлениям брата; другого выхода все равно не было. Но она не станет ни о чем просить. Лучше сначала подождать и увидеть, какие условия будут предложены, и лишь потом действовать сообразно с обстоятельствами. Прежде всего Фокхерсту ни к чему знать, что замок беззащитен. Опускная решетка заперта, ворота закрыты. Снаружи Керкборо выглядел неприступной твердыней. Ровена не сомневалась, что сумеет выторговать выгодные условия капитуляции не только для себя, но и для слуг. И возможно, при встрече с Фокхерстом, присмотревшись к нему поближе, она взмолится о помощи. Если он чуть получше Жильбера, стоит попросить у него покровительства. Правда, Фокхерст уже захватил три ее владения и вряд ли намеревается их вернуть. Но у нее есть и другие, те, на которые наложил руку Жильбер. Однако Фокхерст ни перед чем не остановится, чтобы прибрать и их.

Кровь Христова, ей действительно нечего предложить Фокхерсту... Да ведь она знает планы Жильбера и в крайнем случае предупредит о его возвращении. Но поверит ли ей это кровожадное чудовище?

Милдред хотела проводить ее до караульной, но Ровена убедила служанку не делать этого, заверив, что должна успокоить слуг. Она взяла с собой четверых мужчин, поскольку сама не могла поднять решетку. Но оказалось, что девушка слишком долго ждала. Войско Фокхерста уже было под стенами замка, и при виде пятисот вооруженных солдат и множества конных рыцарей Ровена в панике заломила руки.

Слуги, тревожно оглядываясь, перешептывались, очевидно, насмерть перепуганные. Трудно было осуждать этих бедняг, ведь Ровена чувствовала то же самое. Однако нельзя позволить им сбежать! Стараясь не выказывать страха, она спокойно объяснила, что, если они не помогут поднять решетку, враги наверняка убьют их, когда вломятся в ворота. Мужчины не сдвинулись с места, хотя постарались распластаться на полу, подальше от бойниц, куда могла влететь стрела.

Ровена пристально наблюдала за осаждавшими. Так много рыцарей! Какое устрашающее зрелище! И красный огнедышащий дракон на стягах. Многие рыцари нарисовали его на доспехах своих боевых коней. Да, это Фокхерст, хотя трудно разобрать, кто из этих людей предводитель.

Вскоре один из воинов отделился от остальных и подъехал к воротам. На нем не было тяжелых доспехов. Значит, он не рыцарь. Впрочем, многие из солдат тоже были в седлах.

Зато голос у него был что труба. Ровена ясно слышала каждое слово, хотя отказывалась верить своим ушам. Никаких условий, никакой договоренности. Безоговорочная капитуляция или полное уничтожение. Ей давалось десять минут на размышление.

Но что же тут решать? Даже если Фокхерст не собирается исполнить свою угрозу, она ничего не сможет поделать, поскольку слуги, не дожидаясь приказа, уже принялись поднимать решетку. Все, что ей оставалось, – спуститься во двор и встретить незваных гостей. Рыцари ворвались в замок с высоко поднятыми мечами, но увидели лишь девушку, стоявшую на нижней ступеньке крыльца. Казалось, они ничуть не удивились и быстро рассыпались по стенам, словно знали, что не встретят сопротивления.

К Ровене приблизились три всадника. На двоих были дорогие латы тонкой работы. Должно быть, это знатные лорды, хотя один, наверное, Фокхерст, а второй – оруженосец. Однако именно третий рыцарь, на голову выше остальных, медленно направился к ней, засовывая на ходу меч в ножны. Он не отводил от нее взгляда, но Ровена, как ни старалась, не могла разглядеть его черты – яркие лучи солнца били в глаза, зажигая в волосах золотистые искорки, подчеркивая белизну кожи. Пока она могла сказать только, что незнакомец гигантского роста и тяжело вооружен. Шлем был надвинут совсем низко, наносник – слишком широк, и Ровена сумела рассмотреть лишь презрительно искривленный рот.

Она собралась было поприветствовать Фокхерста, но из груди вырвался жалобный стон – пальцы в латных перчатках безжалостно впились ей в плечи с такой силой, что, казалось, вот-вот раздробят кости. Ровена зажмурилась от боли, но незнакомец встряхнул ее, как котенка:

– Твое имя?

Даже в голосе звенела сталь! Ровена не знала, что и подумать. Увидев ее наряд, он должен был догадаться, что перед ним истинная высокородная леди, однако обращался с ней словно с деревенской девкой, и это ужасало девушку.

– Л-л-леди Ровена Бел... Лайонз, – выдавила она.

– Отныне ты не леди. Считаю себя моей пленницей.

Ровена обмякла от облегчения. Во всяком случае, он не собирается снести ей голову с плеч прямо здесь, на ступеньках.

Захватывать в плен и похищать за выкуп знатных дам и господ было обычным делом. За высокородными узниками сохранялись все привилегии, подобающие их положению. Но что он имел в виду, утверждая, что отныне она не леди?

Он так и не отпустил ее, чего-то выжидая. Чего? Что она будет спорить с ним, попытается возражать, сопротивляться? Ни за что! Ровена успела повидать и послушаться достаточно, чтобы составить мнение о Фокхерсте: он куда хуже Жильбера! Ну чего можно ожидать от человека, который готов оттягать целую лигу⁶ у того, кто попытался украсть у него жалкий дюйм?

Ровена нервно поежилась под его пристальным взглядом, но не смела поднять голову. Наконец он повернулся и с силой толкнул ее к одному из мужчин, стоявших за его спиной.

– Отвезите невольницу в Фокхерст и бросьте в подземелье. Если ее не будет там, когда я приеду, кое-кому плохо придется.

Мужчина смертельно побледнел, но Ровена ничего не видела: ее лицо тоже было пепельным от страха, а голова кружилась так, что она боялась лишиться чувств.

– Почему? – охнула девушка, но Фокхерст уже переступил порог замка.

⁶ Лига – единица длины в Великобритании и США; л. уставная – 4,828 км; дюйм – 2,54 см.

Глава 12

Милдред обнаружила его в каморке, куда с такой неохотой заходила эти последние дни, и то по приказу госпожи. Высокие свечи успели догореть до конца, но он нашел новую и насадил на металлическое острие канделябра. Его воины обыскивали замок, собирая все мало-мальски ценное. Странно, что ему понадобилось в этой комнате? Здесь все равно ничего нет, если не считать кровати.

Служанка так тряслась, что боялась слово вымолвить. Он же просто стоял спиной к ней, разглядывая смятую постель. Фокхерст уже успел снять шлем, оставив на голове только кольчужный капюшон. Как он высок! И эти необъятные плечи напомнили ей о...

– Что тебе нужно?

Милдред испуганно вздрогнула. Каким образом Фокхерст ухитрился учуять чье-то присутствие, ведь он даже не обернулся, а она ступала бесшумно. Не дождавшись ответа, мужчина нагнулся, вытащил из-под кровати длинные цепи и старательно обернул их вокруг шеи наподобие чудовищного ожерелья. Милдред зачарованно уставилась на него. Что он намеревается делать с цепями? Заковать какого-нибудь беднягу?

– Долго мне ждать?!

Служанка подскочила от неожиданности и запинаясь пролепетала:

– Г-г-оворят, вы лорд Фокхерст?

– И что же?

– Пожалуйста, молю вас, скажите, что случилось с моей госпожой? Она не вернулась...

– И никогда не вернется.

Он круто развернулся, и Милдред наконец увидела его лицо.

– Во имя Господа Бога, только не вы!

Уголок его рта чуть приподнялся в зловещей усмешке.

– Почему же не я?

В голове Милдред мелькнула мысль о богатстве. Может, броситься к двери? Или упасть на колени и просить о пощаде?

Она вспомнила о том, что милая нежная Ровена находится в лапах этого зверя, и едва сдержала слезы.

– Господин, не троньте ее! – взвыла она. – У бедняжки не было выхода...

– Молчать! – зарычал он. – Думаешь, меня можно разжалобить лживыми речами? Не важно, ради чего она пошла на это! Я поклялся, что ни один человек не причинит мне зла, не поплатившись сторицей!

– Но она леди!

– То, что она имела счастье родиться женщиной, спасет ее от немедленной смерти, но не изменит участи! И не помогут никакие твои сетования и уверения. Поэтому не стоит тратить время на уговоры, иначе тебя постигнет та же судьба!

Милдред сочла за лучшее придержать язык. Уоррик преспокойно протиснулся мимо нее, направляясь в бывшую спальню Ровены, хотя знал, что служанка последовала за ним и теперь стоит, ломая руки и не вытирая слез, что катились из светившихся добротой карих глаз. Конечно, он у нее в долгу, но если настырная баба еще раз попытается вступить за белокурую сучонку, непременно запрет ее в самой глубокой подземной темнице Фокхерста. Он слов на ветер не бросает!

Очевидно, он оказался в хозяйских покоях. Об этом говорили дорогие вышивки, позолоченное оружие на стенах и резная кровать. Уоррик подошел к единственному сундуку, откинул крышку, и обилие дорогих убранных только подтвердило его предположения. Все же он спросил:

– Это принадлежит ей?

– Д-да, – насилу вымолвила Милдред.

– Моим дочерям пригодятся новые платья, – бросил он так равнодушно, что испуг камеристки мгновенно сменился гневом.

– Это все, что у нее осталось! – выпалила Милдред. Уоррик соблаговолил обратить на нее свой взор, и служанка с похолодевшим сердцем заметила, что серебристо-серые глаза, как и голос, оставались совершенно бесстрастными.

– Ошибаешься. У нее не осталось ничего, кроме тех лохмотьев, что я соизволю ей дать. Поверь, я не забуду, что мне оставили еще меньше.

Безразличие? Нет, он кипит мстительной злобой! И вероятно, самое страшное еще впереди. И нечем помочь горю Ровены, ведь Фокхерст не желает знать, что несчастная девочка, подобно ему, просто жертва обстоятельств. Конечно, все доводы Ровены ничего не значат для человека, оказавшегося не жалким рабом, не грязным крепостным, а знатным лордом. Такой, как он, не потерпит столь ужасного оскорбления! Лучше было сразу прикончить его, чем отпустить в надежде, что он проглотит оскорбление.

Милдред сжалась от страха за госпожу:

– Вы собираетесь убить ее?

– Нет, она слишком легко отделалась бы! Я оставлю ее жить и мучиться! Она моя узница! И никогда не покинет Фокхерст! Я не возьму за нее все сокровища мира! Станет влачить жалкое существование до конца дней своих и каждый час, каждую минуту будет чувствовать, что ее никчемная жизнь зависит от моей прихоти!

– Неужели в вас нет сострадания?

– Ни малейшего, особенно к тем, кто причинил мне зло.

Он снова оглядел комнату.

– У Лайонза были родственники?

Милдред, задыхавшуюся от сердечной боли, нисколько не удивило столь неожиданное течение мыслей нового господина.

– Кажется, единственный брат.

– Ему не останется ничего, кроме закопченных стен, – пообещал Уоррик. – Впрочем, как и ее братцу!

Глаза служанки широко раскрылись:

– Вы хотите сжечь замок?

– Да, ведь они пошли на богомерзкое деяние ради этого поместья, не так ли?

Милдред еще не встречала человека, до такой степени помешанного на возмездии. Но Ровена действительно была вынуждена спать с Фокхерстом, чтобы Керкборо достался Жильберу. Уж ей точно не жаль этого гнезда порока! Она, пожалуй, даже обрадуется, узнав, что планы сводного брата в очередной раз терпят крах.

– А что будет со слугами, которых вы лишите крова?

Уоррик презрительно пожал плечами, будто давая понять, что это его не касается, но все же снизошел до ответа:

– Я сожгу только постоялый двор. Слуги могут перебраться в Керкборо или, если захотят, поселятся на моих землях, что явно пойдет им на пользу – все выглядят настоящими оборванцами. – И, пристально оглядев ее блио⁷ из тонкой шерсти, добавил: – Ты ведь не здешняя, верно?

– Приехала сюда всего три дня назад, когда привезли госпожу.

– В таком случае можешь вернуться домой.

⁷ Блио – верхняя одежда X–XII вв.

Назад, в крепость Жильбера, которую Фокхерст вот-вот осадит? Или в Тьюэрс, где она родилась и который уже успел захватить этот ужасный человек? Кроме того, Жильбер исполнен решимости отвоевать твердыню, а это означает смерть и разрушение. Но все это Милдред совершенно не намеревалась объяснять Фокхерсту. Если он еще не знает, кто такая Ровена и что ее сводный брат – его заклятый враг, Милдред не выдаст госпожу и не станет подливать масла в огонь его ярости.

– Мой дом навеки для меня потерян, – только и сказала она.

Уоррик нахмурился, и по спине Милдред пробежал неприятный озноб. Настоящее отродье сатаны! Какая жестокость! Сколько злобы!

Но, к ее удивлению, Фокхерст произнес:

– Я плачу не только злом за зло, но и добром за добро. Если пожелаешь, сможешь жить в замке Фокхерст.

Там, где содержится Ровена? Милдред настолько не ожидала подобного предложения, что долго не могла поверить удаче. Неужели им наконец повезло?!

Но проникательный Уоррик успел заметить и понять причину ее восторга.

– Не слишком радуйся, мистрис, – резко произнес он. – В Фокхерст-касл ты станешь прислуживать мне и моим родичам. Ее ты больше не увидишь. Если отказываешься присягнуть мне на верность...

– Нет, не отказываюсь! – поспешно воскликнула Милдред. – Я никогда не дам повода сомневаться в моей преданности.

– Неужели? – скептически буркнул Уоррик, подняв брови. – Посмотрим. Для начала, может, откроешь мне имя ее брата?

Милдред не знала что и делать. Если она признается, что брат Ровены – тот самый д'Амбре, Жильбер ничуть не пострадает, а если Фокхерст его отыщет и прикончит – поделом вору! Но что будет с Ровеной? Фокхерст вполне способен убить ее, чтобы завладеть поместьями. Правда, слуги могут проболтаться, но они знают брата Ровены только как лорда Жильбера. И вряд ли Фокхерст будет допрашивать всех и каждого в замке.

– Почему ты колеблешься? – насмешливо осведомился он. – Кому-кому, а тебе известно, как его зовут!

Милдред, набравшись храбрости, гордо выпрямилась:

– Разумеется, только вам это знать ни к чему. Хотя моя госпожа и ненавидит его, он ее единственная надежда на спасение от вашего милосердия! Я не стану помогать леди Ровене, но и не предам ее! И если попыбуете добиться этого от меня, ни за что не соглашусь, даже под пыткой!

– Отчего ты не боишься меня? – внезапно спросил Фокхерст, недоуменно глядя на служанку.

– Боюсь.

– Что-то не слишком заметно, – проворчал он, но, к удивлению Милдред, больше не произнес ни слова. Она ожидала взрыва ярости или жестокого наказания, но ничего не последовало, и служанка, сама того не сознавая, робко улыбнулась при мысли о том, что новый хозяин, возможно, не так жесток, каким хочет казаться.

Уоррик, не обратив внимания на ее улыбку, коротко приказал женщине собираться и прислать кого-нибудь из солдат за сундуком. Беатрикс и Мелисанде пригодится дорогая одежда; правда, придется выпустить подолы, ибо девушки были немного выше белокурой дьяволицы. А он сполна насладится слезами и горечью девчонки, когда она узреет свои наряды на других! Женщины придают такое значение красивым платьям! Да, он вдоволь поиздевается и найдет еще немало способов ее помучить.

Кстати, нужно обязательно вознаградить сэра Роберта Фитцджона за сообразительность и отвагу. Сэр Роберт командовал людьми, которые должны были сопровождать Изабеллу в

Фокхерст. Среди них было шестнадцать рыцарей, многие постарше и опытнее, чем Роберт, но молодой человек выказал такую беспримерную смелость во время последних боевых действий, что Уоррик назначил его капитаном стражи. И как оказалось, правильно поступил.

Когда Уоррик не явился в условленный час, Роберт послал несколько человек в Керкборо узнать, что его задержало. Владелец гостиницы утверждал, что рыцарь ранним утром покинул город, как только открылись ворота. Ничего, еще до захода солнца Уоррик выяснит, что заставило его солгать! Однако Роберт не имел причин сомневаться в словах хозяина и повелел обыскать прилегающую местность. Но по направлению к югу росли почти непроходимые леса, и тридцать человек не могли прочесать густые заросли так быстро, как хотелось бы Роберту. Кроме того, часть эскорта была вынуждена остаться на дороге в ожидании Изабеллы и ее охраны.

Тогда Роберт решил послать за помощью в ближайшее из поместий Уоррика, крепость Маннс, которой управлял вассал Фокхерста Феликс Кербейл. Маннс находилась всего в полутора лигах к западу от Керкборо. Тем временем прибыла Изабелла и, разумеется, встревожилась, узнав об исчезновении жениха.

На счастье, другой вассал Уоррика как раз приехал в гости к сэру Феликсу. Сэр Брайан прибыл во главе двухсот человек, так что когда Уоррик отыскивал свою маленькую армию, рассеянную по округе, выяснилось, что сэр Феликс и сэр Брайан уже на подходе вместе со своими солдатами. Каждый горел желанием разнести Керкборо по камешку, если сюзерен не будет найден.

Уоррик был на седьмом небе. Он-то думал, что придется посылать в Фокхерст за подкреплением, поскольку Феликс уже отслужил положенные сорок дней, участвуя в осаде двух замков, принадлежавших д'Амбре, новому врагу Фокхерстов. Не стоило бы вновь обращаться к Феликсу, как бы ни было велико нетерпение Уоррика, но оказалось, что тот был рад помочь. А сэр Брайан просто обожал схватки, битвы и поединки и поэтому всюду таскал за собой армию наемников. По правде говоря, Уоррик лишь недавно отослал Брайана с наказом позаботиться о его собственных делах: молодой лорд больше полугода сражался бок о бок с ним и не выказывал никакого желания покинуть сюзерена.

Единственное, что огорчило Уоррика, – странное поведение леди Изабеллы, не пожелавшей дожидаться жениха и немедленно удалившейся в сопровождении малого эскорта. И она даже не позаботилась передать с Робертом слова приветствия, просто известила последнего, что уезжает.

Конечно, пока они не обвенчались, Уоррик не имеет права упрекать ее, но впредь не допустит подобной глупости! Он препоручил будущую жену заботам сэра Роберта, и та была обязана подчиниться!

Но даже это не могло омрачить его торжества. Вид Ровены Лайонз, одиноко стоявшей в огромном дворе, наполнил его сердце безумным ликованием. Он наконец добрался до нее! Она в его власти и до скончания века станет жалеть о том, что натворила!

Уоррик покинул Керкборо не раньше чем собственноручно поднес факел к проклятой кровати, к которой был прикован трое суток. Выезжая со двора, он выслал вперед еще двадцать всадников с приказом присмотреть, чтобы пленница не сбежала по дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.